

B112 136

К XXV-летию ВЛКСМ

КОМСОМОЛ

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КОМИССИЯ
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КОМСОМОЛ

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

СБОРНИК

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

Н. ВОРОНОВСКИЙ

Секретарь Воронежского Обкома ВЛКСМ

МОЛОДЕЖЬ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ДНИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Война советского народа против гитлеровской Германии явилась решающей проверкой, суровым испытанием духовных и физических качеств нашей молодежи и ее передового отряда—Ленинско-Сталинского комсомола.

И комсомол, и молодежь с честью выдержали эту проверку.

В дни Отечественной войны советская молодежь продемонстрировала перед всем миром свои замечательные качества: идейность, смелость, презрение к смерти, безграничную любовь к Родине и смертельную ненависть к врагу. В боях за Родину сотни тысяч комсомольцев-фронтовиков и партизан проявили и проявляют героизм, стойкость, умение переносить все трудности. Миллионы комсомольцев и молодежи самоотверженным трудом в тылу помогают ковать победу над ненавистным врагом.

Комсомольцы и молодежь Воронежской области, верные славным боевым традициям Ленинско-Сталинского комсомола, охваченные единым желанием сделать все необходимое для быстрого разгрома и уничтожения немецких захватчиков, отдают все свои силы для достижения победы.

Более ста двадцати тысяч воронежских комсомольцев влились в ряды героической Красной Армии. В первые же дни войны свыше 25 тысяч комсомольцев подали заявления о желании пойти на фронт добровольцами.

Комсомольцы воронежцы-фронтовики, не щадя своих сил, а когда надо и жизни, отстаивают честь и независимость нашей Родины, беспощадно уничтожают гитлеровских мерзавцев, вторгшихся на нашу священную землю.

Сотни комсомольцев за проявленную доблесть и героизм награждены орденами и медалями Советского Союза.

В войсках Центрального фронта широко известно имя воспитанника Воронежского комсомола Героя Советского Союза, гвардии старшего лейтенанта Сергея Родионова. В июльских боях на Орловско-Курском направлении артиллерийская батарея под командованием С. Родионова отбила три ожесточенных атаки немцев, уничтожив 32 немецких танка, из них 9 „Тигров“, взвод автоматчиков и до двух полков немецкой пехоты.

Среди защитников славного города Ленинграда большой любовью пользуется воспитанник Воронежского комсомола Герой Советского Союза Сергей Литаврин, сбивший на подступах к городу Ленина более 20 немецких самолетов.

Воспитаннику Грязинской комсомольской организации Василию Орешину за боевые подвиги также присвоено звание Героя Советского Союза.

Снайпер Виталий Иванов—комсомолец Никитовского района истребил более 200 немецких солдат и офицеров. Он награжден орденом Отечественной войны 1 степени и орденом „Красная звезда“.

За проявленную доблесть и отвагу дважды награжден орденами Советского Союза Сергей Лотарев, ранее работавший зав. военным отделом Обкома ВЛКСМ. Орденом „Красная Звезда“ награждена комсомолка г. Борисоглебска Мария Бойченко. Бывший член бюро Воронежского райкома ВЛКСМ Прасковья Савенко награждена медалью „За отвагу“. Высокую награду правительства и командования Красной Армии получили и многие другие комсомольцы-воронежцы.

Священная любовь к Родине, неукротимая ненависть к врагу отражены в письмах комсомольцев-фронтовиков к родным и друзьям. Вот что пишет в своем письме на родину комсомолец Григорий Чапуров, трижды награжденный орденами Советского Союза.

—Я сейчас на фронте. Бью немцев наповал. Когда иду в атаку и уничтожаю их штыком и прикладом, мне

становится легче. Я знаю, что это моя месть за все те надругательства, которые они творят над нашими людьми. Скоро настанет час, когда ни одного подлого захватчика не останется живым на нашей земле.

В тяжелые дни боев на территории нашей области воронежские комсомольцы сражались в рядах Красной Армии и истребительных отрядах, грудью защищая родные места.

Секретарь Ворошиловского райкома ВЛКСМ по военной работе Валентин Куколкин в бою на улицах г. Воронежа уничтожил 11 солдат и 3 немецких офицеров. В бою за город Воронеж он пал смертью храбрых. Посмертно он награжден орденом „Красная Звезда“.

Студентка Аня Скоробогатко неоднократно выполняла ответственные задания командования. В бою за город Воронеж она была смертельно ранена и умерла со словами: „Товарищи! Я умираю за Родину, за Сталина, отомстите за меня“.

В июле 1942 года часть территории нашей области была оккупирована немецкими захватчиками. Черные дни настали для комсомольцев и молодежи, оставшихся на временно оккупированной территории.

Немцы особенно боялись молодежи как наиболее активной части населения. Поэтому они всеми средствами пытались взять молодежь под свой контроль, не дать ей свободы.

Но ни каторжный труд, ни угрозы, ни пытки, которым подвергались сотни юношей и девушек, не могли сломить боевого духа молодых патриотов, их волю к сопротивлению фашистским палачам. Неукротимая ненависть к подлым захватчикам, беззаветная любовь к родной воодушевляла их и перед лицом смерти. Они остались верными своей отчизне, великому Сталину.

Комсомолец Гуров из Семилукского района был приговорен к расстрелу за антифашистскую агитацию. Перед расстрелом немцы пытались выведать у него, что он знает о товарищах, с которыми работал. Но никакими пытками и издевательствами они не могли добиться у него нужных им сведений. Перед смертью товарищ Гуров крикнул: „Я комсомолец! Я выполнил задание своей партии и смерти не боюсь!“.

Двенадцатилетний пионер Малышевской школы Гремяченского района Валя Свиридов, приговоренный немец-

кми палачами к мучительной казни, умер со словами: По возрасту я не коммунист, но умираю коммунистом».

Комсомолка Ведугского района Паша Яньшина помогла советским гражданам убежать из концентрационных лагерей и пробираться через линию фронта. Когда гитлеровцы схватили ее, она с презрением плюнула в гнусную морду фашистского офицера и в последнюю минуту жизни крикнула: «Стреляйте гады, за меня отомстят!».

Десятки девушек, рискуя своей жизнью, помогали бойцам Красной Армии выходить из вражеского окружения, скрывали их, кормили, провожали к линии фронта. Прятали и лечили раненых.

Так поступали комсомолки Маруся Серикова и Крюкова Катя, сестры Гребенюк, Шура Тютюнникова, Мария Малинкица и многие другие девушки.

Комсомолки Черпухова Варвара, Радзюнова Мария, Охраменко Евгения, Остроуменко Вера были связаны с партизанскими отрядами, доставляли им ценные сведения о расположении и силах врага, снабжали продуктами питания. Получая от партизан листовки и сообщения о борьбе Красной Армии, распространяли их среди населения.

В Ладомирском районе колхозники с большой любовью произносят имя комсомольца Ивана Кульбатченко. С небольшой группой товарищей он в течение нескольких месяцев не давал покоя гитлеровским палачам и их приспешникам. Они неоднократно устраивали на него облавы, но молодой патриот оставался неуловимым. Кульбатченко готовил своих товарищей к серьезной схватке с гитлеровцами. И когда загрели раскаты артиллерии наступающих частей Красной Армии, отряд комсомольца Кульбатченко превратился в грозную для врага силу. Десятки немцев и итальянцев пали от руки молодых мстителей, сотни были захвачены в плен.

В Россошанском районе широко известен пионер Миша Орищенко. Юный патриот, не зная страха, принимал самое активное участие в очищении родной земли от гитлеровской нечисти. Он и его товарищи, вооружившись автоматами и винтовками, уничтожили десятки немцев и более 200 взяли в плен.

Стремление молодежи отдать все силы на помощь фронту находят свое отражение и в работе ее на предприятиях промышленности и транспорта, в колхозах, совхозах и МТС. Молодежь тыла делает все для того, что-

бы помочь Красной Армии в быстрейшем разгроме ненавистного врага.

За два года войны более двадцати комсомольцев и молодых железнодорожников Воронежской области за самоотверженный труд награждены орденами и медалями Советского Союза и более 30 человек — значками «Почетному железнодорожнику» и «Ударнику Сталинского призыва».

Помощник машиниста депо Поворино тов. Пономарев награжден орденом «Знак почета», помощник машиниста депо Грязи тов. Беляев — медалью «За трудовую доблесть», осмотрщик вагонов Поворинского узла тов. Ходосов награжден орденом «Знак почета».

По инициативе комсомольцев и молодежи Горьковского завода имени Сталина в стране широко развернулось движение стахановцев военного времени, двухсотников-трехсотников. Можно с уверенностью сказать, что нет такого предприятия в области, где не было бы комсомольцев и молодежи, выполняющих нормы на 200—300 и более процентов. На Поворинском железнодорожном узле насчитывается 236 молодых стахановцев военного времени. Комсомолки и молодые слесари Борисоглебского вагоноремонтного завода т.т. Морозов, Трофимов, Русин и Коганов ежедневно выполняют нормы на 200—250 процентов. В городе Воронеже свыше 50 комсомольско-молодежных бригад носят высокое звание фронтовых. На заводе имени Дзержинского комсомольско-молодежные бригады т.т. Ярцевой, Мельниковой ежедневно выполняют нормы на 250—270 процентов. На строительстве ВОГРЭС бригада т.т. Коваленко, Турищева и Засколько дает по 150—200 процентов установленной нормы.

С момента освобождения города Воронежа и западных районов области от немецких оккупантов комсомолки и молодежь горячо взялись за восстановление хозяйства, разрушенного фашистскими захватчиками.

Комсомольцами и молодежью Лискинского отделения Юго-Восточной железной дороги в течение только марта было собрано и отремонтировано инструментов, оборудования и материалов на сто тысяч рублей.

Большую помощь советским и хозяйственным организациям оказали комсомолки и молодежь Нижнедевицкого, Ведугского, Острогожского, Н-Калитвянского районов по восстановлению и ремонту школ.

С особой энергией стали работать комсомольцы и молодежь после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) „О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации“. В Коротоякском районе созданы 21 комсомольско-молодежная бригада по восстановлению и ремонту жилищ колхозников. Ими уже построено и восстановлено более 100 домов. В Землянском районе комсомольцы своими силами приспособили одно из разрушенных зданий под кинотеатр. В Радченском районе комсомольцы и молодежь строят несколько изб-читален. В Острогжском, Гремяченском, Семилукском, Белогорьевском районах комсомольцы и молодежь создали десятки бригад по восстановлению и ремонту помещений для скота.

Самоотверженно работает молодежь на колхозных и совхозных полях. Дать Красной Армии и стране больше хлеба, больше мяса и других продуктов сельского хозяйства—таков лозунг сельской молодежи.

Весной 1943 года, готовясь к проведению сева, комсомольцы и молодежь собрали более 15 тысяч центнеров семян из личных запасов, собрали и вывезли на поля свыше 150 тысяч возов навоза, 25 тысяч возов золы и птичьего помета. Собрали и сдали в МТС и МТМ 115 тысяч запасных частей к тракторам и другим сельскохозяйственным машинам.

На уборке урожая, обмолоте и вывозке зерна государству работает свыше 25 тысяч комсомольцев и 80 тысяч молодежи.

К XXV годовщине ВЛКСМ широко развернулось социалистическое соревнование молодежи за успешное окончание обмолота и хлебопоставок. В соревновании участвуют 1177 молотильных и 1697 транспортных комсомольско-молодежных бригад. Только за сентябрь ими намолочено свыше 750 тысяч центнеров зерна и вывезено на сыпные пункты 350 тысяч центнеров зерна.

Война значительно повысила ответственность комсомольских организаций колхозов за работу колхозов, за выполнение ими обязательств перед государством.

Большинство комсомольских организаций хорошо справились с этими задачами.

Комсомольские организации при колхозах „Комсомолец“ Рождественско-Хавского района, „Красный герой“, имени Крупской Острогжского района, „8 марта“ Писарев-

ского района, имени Ленина, имени Калинина Старо-Криушанского района сумели добиться того, что колхозы стали работать во время войны значительно лучше и несмотря на ряд трудностей успешно справляются со всеми сельскохозяйственными кампаниями.

Война принесла много горя нашим детям. Сотни детей потеряли отцов и матерей.

Повседневная забота об этих детях—священная обязанность комсомольских организаций. В этом году по инициативе комсомольцев Россосанского, Кантемировского районов в области создано два комсомольских детских дома, в которых живут более 100 детей.

За это время для детей-сирот собрано большое количество продуктов питания, обуви, одежды и более полумиллиона денег.

В области идет деятельная подготовка к открытию специальных детских учреждений: суворовского военного училища, ремесленного училища, домов ребенка. И здесь комсомольцы и молодежь принимают деятельное участие. В Павловском, Острогжском, Ведугском, Борисоглебском районах комсомольцы и молодежь принимали активное участие в ремонте помещений, в сборе и изготовлении оборудования.

Желание молодежи всеми силами помогать фронту нашло свое выражение в сборе средств на строительство боевой техники и вооружения для Красной Армии. Только за два месяца 1943 года комсомольцами и молодежью было собрано свыше 17,5 миллиона рублей на строительство танков.

Комсомольцы и молодежь Нижнедевицкого района собрали 500 тысяч рублей. Великий Сталин прислал комсомольцам и молодежи телеграмму, в которой благодарил за их помощь, оказанную Красной Армии.

Большую работу проделали комсомольские организации по подготовке боевых резервов для Красной Армии.

Только в течение 1942—43 годов в специальных комсомольско-молодежных подразделениях всеобща подготовлено до 10 тысяч бойцов—специалистов: минометчиков, ручных и станковых пулеметчиков, автоматчиков и снайперов.

Около 5 тысяч девушек приобрели специальности связисток, телефонисток, шоферов. Многие из них уже влились в ряды славных защитников Родины.

Работая на производстве, на колхозных и совхозных полях, молодежь упорно готовит себя к вступлению в ряды Красной Армии и Морского флота, на физкультурных площадках и стадионах закаляет и тренирует свои мускулы, овладевает умением бить врага штыком и гранатой.

На массовом профсоюзно-комсомольском кроссе летом этого года участвовало около 60 тысяч юношей и девушек.

За годы войны десятки тысяч юношей и девушек влились в ряды Ленинско-Сталинского комсомола. Только за 9 месяцев этого года в члены ВЛКСМ в нашей области вступило 20 тысяч передовой молодежи.

XXV годовщину Ленинско-Сталинского комсомола советская молодежь вместе со всем народом встречает под знаком еще большего сплочения вокруг большевистской партии.

Созданный Лениным и Сталиным комсомол—верный помощник партии и вся молодежь нашей страны ознаменуют эту замечательную дату мобилизацией всех своих сил на борьбу против немецких захватчиков. От передовой линии фронта до самого дальнего тыла они прославят свой юбилей новыми героическими подвигами во имя Родины, во имя партии Ленина—Сталина, во имя победы!

С. РОДИОНОВ

Герой Советского Союза
гвардии старший лейтенант

Т Р И А Т А К И

Это было 10 июля 1943 года в одном из районов Орловско-Курского направления. С бешеной злобой враг бросался тогда в яростные атаки. На мою батарею немцы предприняли три мощных танковых удара во взаимодействии с пехотой, автоматчиками и авиацией, в сопровождении ураганного огня артиллерии.

Заняв огневые позиции, мы поставили перед собой задачу—не дать немецко-фашистским бандитам прорваться вперед.

В 5 часов 30 минут утра немцы начали наступление. На нашу позицию шло 55 танков и до полка немецкой пехоты. 155 вражеских самолетов начали бомбить рубеж, занимаемый моей батареей.

Немецкие танки подошли к нам на 150—200 метров. Пьяная, обнаглевшая пехота гитлеровцев, с паниросами в зубах, повела „психическую“ атаку. Начался жаркий, неравный бой.

От прямых попаданий наших снарядов немецкие танки начали гореть. Мощный шквал огня заставил гитлеровцев залечь. К 12 часам, не выдержав обстрела, вражеские танки повернули вспять. На поле боя остались 12 танков, из них 4—типа „Тигр“. Тогда мы перенесли огонь по залегшей немецкой пехоте, которая через 15 минут в панике бежала, потеряв при этом до роты своих солдат и офицеров. Так мы отбили первый натиск врага.

Разъяренные гитлеровские разбойники, перегруппировав свои силы, через два часа повели новую атаку. Снова немецкая авиация начала бомбить наши позиции, но бойцы батареи стояли несокрушимой стеной. И когда немецкие танки подошли на 120 метров, мы выкатили орудия и прямой наводкой начали бить по танкам и наступающей пехоте врага.

В этом горячем бою командир первого орудия, комсомолец Мансур Абдулин подбил 2 немецких танка; 8 бронированных немецких чудовищ подбил командир второго орудия—комсомолец Зеленин. Комсорг батареи Тарасов также подбил три танка врага. Такие потери вынудили немецкую колонну танков остановиться. Одно наше орудие уничтожило до роты гитлеровцев и заставило остальных залечь.

Остановившиеся немецкие танки, подтянутые артиллерийские и минометные расчеты врага обрушили на мою батарею шквал огня. Началась артиллерийская дуэль. Во время этого боя наши бойцы показали образцы высокого мужества. Раненый комсомолец Абдулин продолжал оставаться на поле боя. Когда ранило комсомольца Рябкина, он заявил: „Бой еще не кончился, я должен оставаться здесь!“. С уцелевшими расчетами мы вели губительный огонь по танкам и автоматчикам врага. Не выдержав нашего огневого вала, гитлеровцы снова повернули вспять. Вторая атака была отбита.

Но мы знали, что это еще не конец. И действительно, в третью атаку гитлеровцы бросили на батарею 65 танков и до двух батальонов пехоты. Эта третья и последняя атака врага была наиболее свирепой. Немецкие пикирующие самолеты засыпали нас бомбами. Танки врага шли на большой скорости и хотели с хода снять мое орудие, чтобы прорваться на высоту. В это время был тяжело ранен мой друг—старший на батарее, коммунист Виктор Ловчев, был убит заряжающий, коммунист Абрахимов и смертельно ранен командир разведки Дрободушенко.

Собрав все свои огневые средства, все свои силы и мужество, мы отбивали третью атаку немцев. Вскоре загорелись два танка врага. Потом еще два, а уцелевшие снова повернули обратно. Залегшая пехота не выдержала огня наших орудий и в панике бежала.

Так закончилась третья и последняя атака на позиции нашей батареи. В итоге этой жестокой схватки мы со-

жгли 24 немецких танка, из них 7 „Тигров“, истребили до полка немецкой пехоты и взвод автоматчиков. Немцы не продвинулись ни на один метр.

За 21 день боев на Орловско-Курском направлении моя батарея уничтожила 32 танка врага, из них 9 „Тигров“, 10 орудий разного калибра, 4 автомашины, склад боеприпасов и до двух полков немецкой пехоты.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР мне и гвардии старшему сержанту Абдулину Мансору присвоено звание Героя Советского Союза.

Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза Виктору Ловчеву, наводчику Пименову, командиру орудия Резнику, погибшим в боях за Родину.

Высокая награда правительства вдохновляет нас на еще более самоотверженную борьбу с ненавистным врагом. Мы с честью будем драться и уничтожать немецко-фашистских захватчиков до полного их изгнания из пределов нашей Родины. Мы уверены, что наши земляки-воронежцы—рабочие, колхозники и интеллигенция—всеми силами будут помогать нам в этой великой освободительной войне.

В. КАБАРОВ

ТВАРДИИ СЕРЖАНТ ЕГОР ПАНКРАТОВ

Война застала сержанта Егора Панкратова в местечке Волковинцы, Каменец-Подольской области.

Отдельный пулеметный батальон, в котором находился Панкратов, был переформирован, влит в дивизию и спешно переброшен на защиту родного Приднепровья, над которым темной тучей нависла смертельная опасность.

Враг наступал...

Распластав черные крылья, в воздухе подобно вороньему кружились фашистские стервятники. От частых взрывов земля гудела, содрогалась. Горели деревни и села, и по ночам далеко было видно зарево пожаров. В воздухе пахло пороховой гарью, человеческой кровью...

По пыльным, израненным войной дорогам Н-ская Краснознаменная стрелковая дивизия с тяжелыми боями отходила на восток, отступая к Полтаве и дальше—к Харькову.

Сержант Панкратов шагал в одной колонне вместе с бойцами, которые за эти месяцы войны стали близкими как братья. Рядом с Егором шел младший сержант—пулеметчик Пинчук, его боевой товарищ. Не один раз они вместе ходили в атаку, забирался в глубокий тыл к немцам, производя тщательную разведку. Не один раз смело смотрели смерти в лицо. Своими глазами видели кровавую поступь войны...

И каждый раз, когда случалось Егору проходить по лепелищам пожаров, видеть зверски замученных фашистским зверьем женщин, детей, стариков,—лютой ненавистью

закипала кровь, жгучая ярость к врагу поднималась с новой невиданной силой. Сердце каменело, зорче становился глаз, тверже рука. И хотелось в такие минуты Егору вот так, как тогда под Богодуховом, мстить врагу, с яростью бить прикладом, колоть штыком и смотреть, как фашистские бандиты, объятые смертельным страхом, истекая кровью, бегут...

Была ночь. В течение двух суток бойцы не смыкали глаз. Тело было налито усталостью двухдневных непрерывных тяжелых боев с противником. Часть расположилась на отдых. Разведка донесла, что на одной из высот засел противник, численностью до роты.

Получив приказ, вместе с Пинчуком и семью бойцами сержант Панкратов ушел в боевое охранение.

Шли по ложине, молча. Лишь иногда под ногами хрустнет иссохшая ветка, и опять тишина.

Темная ночь для разведчиков—верный друг. Но на этот раз предательски светила луна и даже одетых в маскировочные халаты их легко мог обнаружить вражеский дозор. Панкратов приказал ползти.

Нелегко было передвигаться по-пластунски. Прошедший дождь обильно смочил землю, и она прилипла к рукам, коленям, попадала на лицо, затрудняя движения.

Но бойцы не обращали на это внимания. Они упрямо ползли вперед. Как командир, Егор подчинил себя, свою волю одной цели—точно выполнить приказ командования, решить задачу. Он на минуту остановился. Мимо него бесшумно проползло семеро бойцов. Егор знал каждого из них по фамилии, лицу, боевой работе и был спокоен. Чтобы ускорить дело, он, дождавшись Пинчука, вместе с ним потянул „Максима“.

В кустарнике расположились. Ждать пришлось недолго. На рассвете враг, повидимому, предпринял разведку.

— Видишь?—шепнул Пинчук Панкратову.

Прямо на них, извиваясь как змея, полз фашистский лазутчик. Он поминутно воровато оглядывался по сторонам, на мгновенье замирал на одном месте и тогда было видно его каску. Должно быть это был матерый волк.

— Вот это „язык“! Ничего себе сазан!.. Но почему он в каске? Бойтся гад ползучий, чтобы пуля в лоб не влетела,—подумал Панкратов и тут же поделился своими мыслями с Пинчуком.

Пинчук поддержал. Предупредили товарищей. „Максим“ передали второму номеру. Оба вынули ножи, зажали в зубах и поползли. Держались в тени деревьев, зарывались в кустарник. И тут только Егор понял, что он допустил ошибку, взяв с собой Пинчука. Товарищ его был простужен и изредка кашлял. „Вот мелочь,—подумал Егор,—а при таком деле нельзя“.

Так раздумывая, он быстро полз вперед. Пахло сыростью. В пяти-шести шагах от себя он заметил небольшое болото. В горле что-то защекотало. Егор невольно оглянулся назад и увидел Пинчука. Тот, закрыв ладонями рот, припав к земле, мотал головой из стороны в сторону. Егор догадался. Все пропало! Он ускорил движение. „Сделаю сам. Ведь приходилось же мне выслеживать это зверье“, — успокаивал сам себя Егор. Может быть, военное счастье берегло Егора, но всегда он возвращался с удачей.

Когда до вражеского лазутчика оставалось всего несколько шагов, до Панкрата вдруг долетел приглушенный кашель товарища. Враг быстро поднял голову. В его руке блеснул пистолет. Егор не растерялся. На какую-то долю секунды он мгновенно сжался в комок, напружинился, сделал легкий бросок вперед и всем телом навалился на немца.

Немец оказался здоровым детиной. Он с силой перевернулся на спину и прижал своей тушей Егора к земле. Панкратов до боли в суставах сжал горло врага. Немец хрипел, судорожно шарил руками по траве, ища выбитый Егором пистолет. Но сильные руки тракториста крепко держали врага. Борьба была яростная, без крика и шума. Немец изловчился и укусил Егора.

— А, сволочь поганая! Ты еще кусаться!—со злостью прошептал сержант.

Упершись ногой в пенек, он высвободился из-под врага. Подоспел Пинчук.

Блеснул нож. Густая кровь закапала на прошлогодние листья.

Егор был взбешен. Он с досадой смотрел на друга. Пинчук понял.

— Товарищ сержант, как я увидел этого шакала, не выдержал,—оправдывался он.—Уж больно у меня тяжелая рука. Хотел маленько оглушить, а получилось...

От сердца Панкрата немного отошло.

—Ладно. Чорт с ним. Одной бешеной собакой меньше. А только ты в следующий раз не того... Это ты не первый раз уже по башке „языка“ бьешь. „Язык“ должен елужить „языком“.

Но мешкать было нельзя. Враг мог заподозрить долгое отсутствие своего разведчика. Стащив немца в болото, они быстро поползли назад и вскоре очутились среди своих товарищей. И во-время. Немцы обнаружили засаду.

Было видно, как группа автоматчиков спустилась с высотки.

— Может, послать связного в штаб?—спросил Пинчук.

— Трусость это или предосторожность?—мгновенно подумал Егор.—Может быть, сдали нервы?..

И чтобы рассеять сомнение, Панкратов быстро взглянул на товарища и тут же раздельно процитировал суворовские слова:

— У страха глаза большие, один за десятерых покажется...

Ничего подобного не ожидал Пинчук. Слова командира действовали на него ошеломляюще. Он как-то сжался, покраснел, глотнул большой глоток воздуха и сухими от волнения губами прошептал:

— Вот как, Егор? Так, так. Значит, по-твоему я трус? Значит, старое не в счет?.. А помнишь, как мы с тобой у немцев... в тылу. Взорвали склад... Как... трое уток, усталые, голодные... по болотам, камышам, вплавь...

Панкратов пожалел, что сказал необдуманные слова.

— Ну, брось. Это я пошутил. Разве мы друг друга не знаем?

И он обнял товарища.

Было решено принять бой. Шупая обжигающими очередями местность, автоматчики приближались.

Подпустив противника, Пинчук дал длинную очередь. Несколько немцев упало. Враг залег, ожесточился. Роем зашумели пули. Двух бойцов ранило. Но они, сжав зубы, вели огонь. Бой разгорался. Шаг за шагом приближались автоматчики. Вот уже видны их озверелые лица. Панкратов метнул гранату, другую. Пинчук перетащил „Максима“ в другое место. Пулемет застучал, а потом вдруг в самый критический момент, когда враг оказался в каких-нибудь десяти-пятнадцати шагах, замолчал.

Времени терять было нельзя. Панкратов вскочил.

— Вперед! За родину! За Сталина!

Увлекая бойцов, он бросился на врага. Немцы дрогнули. И в тот же момент горстка храбрецов услышала мощное „ура!“. Наперерез бандитам бежали подоспевшие к месту боя красноармейцы.

Враг с высоты был выбит.

И вечером перед выстроившимися в шеренгу бойцами был зачитан приказ командования. Сержант Панкратов получил пятую по счету благодарность.

... Дожливая осень сменилась суровой зимой с глубокими снегами. Подули резкие северо-восточные ветры. На дворе стояли лютые морозы.

Дивизия, прошедшая с боями тяжелый путь, залегла в оборону. На высоте, расположенной против города Мценск, враг закрепился, построив целую систему укреплений. Двухэтажные хищники преднамеренно облили склоны водой. Высота превратилась в сплошную ледяную глыбу. Непокоренный, настороженный, ошетилившийся город вызывал у врага злобу. И чем сильнее крепчали морозы, тем чаще огрызались фашистские бандиты, нагнали. С наблюдательного пункта наши бойцы неоднократно замечали какое-то движение по ту сторону реки, в логове врага... Немецкие обовшивевшие мародеры готовились к штурму...

В это время в части уже хорошо знали сержанта комсомольца Панкратова, как смелого, находчивого, боевого командира. Жаркие схватки с врагом явились серьезным экзаменом его боевой зрелости, выучки.

В один из боев Егор потерял верного товарища Пинчука. И поклялся тогда над могилой своего боевого друга Егор жестоко отомстить врагу. С тех пор на лбу его залегла глубокая морщина, посуровело обветренное смуглое лицо, а в глазах появился какой-то особый сверлящий блеск. Егор тосковал. Это видели товарищи. Велика и свята дружба на фронте...

Шли боевые дни.

Крепко сдружился Егор с пулеметчиком Николаем Смысько. Он чем-то напоминал ему Пинчука и от этого становилось легче на сердце. В короткие часы отдыха Николай Смысько, бывший студент одного из Ленинградских институтов, рассказывал Егору о городе-герое, о своей жизни, учебе. И тогда Панкратов загорался. В такие минуты он невольно вспоминал свои родные Третьяки, что

расположены в двадцати километрах от Борисоглебска и игривую речку Хопер, и лес, и колхозные массивы, и свой ХТЗ, на котором он бесценно проработал три года.

— Слушай, Николай! Кончится война и тогда мы с тобой будем вновь учиться. Только вот мне до тебя далеко... Потеряем друг друга. Ты—в институт, а я... Мне придется на курсы, а потом—в техникум.

— Ничего, Егор, — успокаивал его товарищ. — Кончится война и настанет новая жизнь. Мы не потеряем, а найдем друг друга.

И вот однажды, когда они беседовали так, сержанта Панкратова вызвали в штаб.

Враг готовился к атаке на город. Нужно было сорвать наступление, опередить противника, не дать ему возможности перейти реку и занять выгодный огневой рубеж. Задача была ясна.

В глухую январскую полночь 1942 года группа в количестве 10 бойцов под командованием комсомольца сержанта Панкратова вышла в боевое охранение.

Сливаясь со снегом, бесшумно скользили храбрецы. Застывшая река хранила ледяное молчание. Враг был близко, по ту сторону реки. Мороз крепчал, он залезал под халаты и мелкими иглами впивался в лицо. Залегли в стороне от только что проделанной лыжни подле кустарника.

— Нет, шакалы, ваш номер не пройдет, — упрямо твердил Панкратов. — Подсыпем мы вам перцу.

— Что вы, товарищ сержант, там шепчете? — спросил пулеметчик Николай Смысько.

— Да вот думаю, как бы лучше встретить вшивую братию Гитлера. Уж больно у меня зуб на них горит. Ты поверь, Смысько, как вспомню свои родные Третьяки, бабушку, заменившую мне в детстве мать, и ту, что ждет меня...

— Говори прямо, Соню?..

— Ну да, — краснея продолжал Егор. — Такая злоба поднимается, что готов... Ух!

В это „ух“ Егор обычно вкладывал то, чего не мог выразить словами—свою жгучую ненависть к врагу, и его отлично понимал друг.

— Представляется случай, — быстро прильнув к „Максиму“, проговорил пулеметчик.

Мертвая тишина. Ни звука. Лишь изредка слышно, как потрескивал лед, сковывавший реку.

В бледнорозовых облаках рассвета бойцы заметили врага. Около ста гитлеровцев, озираясь, припадая на снег, медленно двигались к реке.

—Чортовы души,—со злостью шепнул Панкратов.

И уже несколько громче:

—Приказываю без команды не стрелять. Подпустите этих головорезов как можно ближе.

Враг подошел к реке. Вот уже бандиты вступили на лед... Бойцы застыли. Расстояние уменьшилось до 50 метров. Срединя реки...

—Устроить бы им тут баню, на льду, как Александр Невский на Чудском озере,—прошептал Николай.

—Ну, ты, брат, далеко хватил. То был Александр Невский, да и войск-то сколько было, битва какая была!—возразил Егор, не спуская глаз с врага.

Хорошо, как на ладони, видна цель. Вот тот, справа, хорохорится, словно индюк, что-то бормочет и тычет пистолетом в сторону, к реке. Наверно, офицер, Егор видит его хорошо. Немец укутан, обязан шарфом и лишь длинные, как у моржа, усы топорщатся, лезут вперед. Панкратов поднимает автомат, берет немца на мушку. Пулеметчик взялся за гашетку,—целится.

—Огонь!—твердо прозвучала команда.

Зарокотал пулемет, застучали автоматы, засвистали пули. Панкратов выстрелил, и немец, как заяц, слегка подпрыгнул на месте, дернулся и свалился на лед.

Огонь был плотный, шквальный. В рядах противника началась паника. Задние, будучи не в силах удержаться, скользили с ледяного холма, напирали на идущих впереди.

Панкратов быстро оценил обстановку. Пока бойцы вели огонь, он, утопая по колено в снегу, пробрался ближе к месту побоища. Одну за другой он бросил две гранаты в столпившихся фрицев. Вместе с оглушительным взрывом почти одновременно раздался страшный предсмертный вой. Лед треснул, обломился... Через каких-нибудь 10—15 минут все было кончено. Ни один захватчик не ушел. На берегу, на склоне холма лежали трупы фашистов. Вода и льдины окрасились в кровавый цвет.

Егор возвратился. Товарищи крепко жали ему руки, а он, смущенно улыбаясь, говорил:

—Так может каждый из нас. Жаль только вот, что река... опоганена.

Враг заметил, что произошло что-то неладное, страшное. С высоты, из фашистского осинового гнезда, раздались залпы. И Егор, и Николай, и все бойцы почувствовали, как дрогнула земля, и снаряды тяжело плюхнулись позади них.

—Перелет,—промелькнула мысль.

Наша батарея молчала. А враг посылал снаряд за снарядом.

—Да что же наши молчат?—не выдержал кто-то из бойцов.

—Засекают,—подумал Егор.

Его предположение оправдалось. Только тогда загрохотали наши орудия, когда нащупали немецкую батарею. Началась артиллерийская дуэль.

Потом на минуту все смолкло. Но только на минуту. Вскоре с обеих сторон зарычали минометы, завизжали пули.

Вражеские снаряды рвались невдалеке. Мелкими осколками мин был ранен сержант Панкратов. Пробив шинель и ватник, осколки впились в грудь. Автомат выпал из рук на снег. Николай Смысько видел это и хотел помочь командиру. Но сержант, прокрипев зубами, отстранил его и тут же, на снегу, чертыхаясь, собственноручно сделал перевязку.

А через полчаса, умело выведя бойцов боевого охранения из-под огня противника, Панкратов явился в штаб и отрапортовал:

—Товарищ полковник! Боевое охранение ваш приказ выполнило. Вражеская группа, двигавшаяся в наше расположение, полностью уничтожена. С нашей стороны потерь нет...

Панкратов не смог досказать. Он потерял сознание и не слышал слов благодарности полковника.

Не один раз глядел отважный командир в глаза смерти. Был он дерзок, смел, находчив, никогда не терял замогущества в бою. В жарких схватках он успевал вести огонь, следить за боевой работой товарищей и, если видел, что кому-нибудь из них приходится туго, бросался на выручку, презирая опасность. Вот почему его любили друзья, отзывались о нем с сердечной теплотой.

Особенно проявил себя гвардии сержант Панкратов в боях под Сталинградом. То были суровые дни испытаний. Собственно, здесь у командира и выявились по-настоящему отличные качества разведчика.

... Полк, преобразованный в гвардейский, готовился к атаке, накапливал силы. Командованию нужно было знать огневую мощь и расположение противника. Требовалось достать „языка“. Вместе с десятью бойцами во главе с гвардии лейтенантом Крамаренко пошел в разведку и Панкратов.

Под покровом темной сентябрьской ночи разведка быстро приблизилась к боевому охранению противника. Было слышно, хотя и не особенно ясно, как разговаривают между собой фрицы. Было даже видно, как ходит часовая. Пять шагов вперед, пять назад.

Панкратов подполз к командиру.

— Товарищ лейтенант, разрешите... не в первый раз. Пойдем с Ивановым.

— Идите, но знайте, что от вашего умения зависит успех атаки.

Панкратов и боец Иванов, как привидения, скрылись в ночной тьме. Вот и кусты, развесистый дуб... Вот и долговязый фриц. До него рукой подать. Медлить нельзя. В голове Панкратова быстро созрел план.

— Будь осторожен, Иванов. Ты ползи вправо, я влево. Не спеши. Выбирай удобный момент. Как только эта темная подлюга очутится на шаг впереди тебя, хватай его сзади, зажимай его поганое хайло, а я сделаю остальное.

Пять шагов назад, шаг вперед. Мгновение—и сильные руки Иванова уже крепко держали „языка“. Тем временем Панкратов быстро обезоружил противника, связав руки. Немца потащили.

Егору стало даже как-то не по себе. Все вышло так просто, как если бы Егор сел за руль и вспахал полгектара больше нормы. Но товарищи были восхищены чистой работой разведчиков, а гвардии лейтенант Крамаренко только и сказал:

— Молодцы! Передам командованию...

В штаб „язык“ был доставлен вовремя.

На рассвете полк пошел в штыковую атаку. Это была смертельная схватка. Численное превосходство врага давало ему некоторые шансы на успех. Однако наступа-

тельная сила наших бойцов была настолько велика, что враг пришел в замешательство.

Бойцы видели, как перепрыгивая через трупы фашистских бандитов, впереди всех, с винтовкой наперевес бежал гвардии полковник Фомин. Не отставая от него ни на шаг, за ним бежал гвардии сержант Панкратов. Егор бежал тяжело и прерывисто дышал. Кто знает о чем в эти минуты думал он? Может быть на мгновение появились и также мгновенно угасли родные Третьяки, семья, любимая девушка...

• Панкратов видел перед собой врага—лютого, коварного. Вот ему навстречу бежит чубатый, рыжеволосый немец. Он страшен, глаза навыкате, лицо перекошено нечеловеческой злобой. Он заносит штык, чтобы ударить Егора в грудь, но падает сам. Кто-то из товарищей—Панкратов не помнит—опередил его и оборвал жизнь бандита.

Панкратов бежит вперед вместе со всеми. Споткнулся о чье-то тело и упал. Пригляделся, узнал.

— Коля, друг!—и прижал к себе его голову.

Николай, боевой товарищ Егора, ничего не ответил. В последний раз он открыл глаза. Они были мутны. Наступала смерть. Еле слышно он произнес:

— Егор, друг... передай... я честно... как комсомолец...

Сжалось сердце Егора от боли. На глаза набегали слезы. Подоспели санитары. Они взяли мертвое тело Николая Смысько и понесли.

Не помнил Егор, как он побегал вперед. И тут увидел, как вынырнув из-за кустов, в стороне трое немецких офицеров наседали на полковника. Храбрый командир яростно отбивался. И в тот момент, когда командиру части грозила смертельная опасность, Панкратов бросился на помощь. Ловким ударом в грудь он сразил фашистского негодяя.

— Это за Николая!

Прикладом по голове лишил жизни второго.

— Это за Николая!

Упал, истекая кровью, третий.

Это за Николая!

Так на широких просторах Сталинградской земли он покончил с тремя гитлеровскими бандитами.

... В этом бою гвардии сержант был вторично ранен. Его направили в госпиталь. После фронта госпитальная жизнь подействовала на него удручающе.

— Доктор, скоро ли меня выпишите? Мое место не здесь. Мое место там, среди боевых друзей.

— Сестрица! Когда же все это кончится?—повторял Панкратов.

И доктор и сестры старались его успокоить.

— Ну, что вы на это скажете?—с добродушной строгостью говорил доктор.—Человек тяжело ранен, ходить-то еще, как следует, не может, а уже опять просится в бой.

Через два месяца после памятного штыкового боя гвардии сержант Панкратов получил медаль „За боевые заслуги“ и медаль „За оборону Сталинграда“.

ТАК УМИРАЮТ ГЕРОИ

В июльских боях на одном из участков Орловского направления смертью храбрых погиб наш земляк, гвардии лейтенант, дважды орденоносец Михаил Панченко. В кармане его гимнастерки нашли небольшую записочку, которую он написал в минуту короткого затишья перед очередной контратакой немцев. В записке было сказано:

„Дорогие товарищи! Через несколько минут немцы снова войдут в контратаку. Но они не пройдут. Если мне придется умереть в этом бою, то прошу сообщить моей любимой по адресу: Воронежская область, ст. Поворино, Вале Фуфаевой“.

Боевые друзья молодого офицера сталинской гвардии, выполняя просьбу своего любимого друга и командира, написали Вале письмо. Ниже мы помещаем текст этого письма.

Здравствуй, дорогой товарищ Валя Фуфаева!

В тихое местечко под Воронежем придет это письмо и, получив его, ты, вероятно, заплачешь: ты узнаешь, что твой любимый друг не вернется. Но ведь не для одних слез созданы глаза девушки. Они умеют видеть, ради чего погибают в борьбе наши люди. Слушай, дорогая Валя, мы расскажем тебе о твоём друге. Это был удивительно храбрый человек. Он воевал в прославленной гвардейской орденоносной части и воевал, как подобает гвардейцу—умело, отважно, зло. Ты, Валя, конечно, хочешь узнать, как погиб Михаил? Это было так:

Тринадцать вражеских бомбардировщиков, один за другим, со все нарастающим ревом бросились в пики. Разрывы авиабомб и грохот начавшейся артиллерийской подготовки слились в один сплошной гул. Столбы земли и огня поднялись вверх, закрывая прозрачное июльское небо и огненный диск солнца на нем.

Кольцо разрывов опоясывало окопы, огненный смерч бушевал над передним краем 50 минут. Потом все это

унеслось назад, вглубь. К свисту снарядов прибавился железный скрежет вражеских танков, за которыми, как за стеной, двигались серо-зеленые цепи гитлеровцев. Враг начал контратаку, пытаясь вернуть потерянные позиции.

Взвод гвардии лейтенанта Михаила Панченко, только что укрепившийся на вновь занятом рубеже, принял на себя главный удар. Но никто не дрогнул, не растерялся. По команде своего командира бойцы встретили атакующую пехоту шквалом автоматного и пулеметного огня, отрезали ее от танков, заставили залечь. По бронированным чудовищам вела огонь наша артиллерия. Но шести из них удалось прорваться к траншеям героев. Танки стали ходить по окопам, разминая гусеницами землю, пытаясь раздавить защитников рубежа.

Но рубеж защищала советская гвардия. Противотанковой гранатой Михаил подбил один вражеский танк. Два других подожгли и подбили наши артиллеристы. Остальные танки повернули назад, оставив на произвол судьбы свою пехоту, почти вплотную подвинувшуюся к траншеям.

—По пехоте врага—огонь!—крикнул Михаил, и шквал огня обрушился на гитлеровцев. Оставив на поле боя множество трупов солдат и офицеров, фрицы отступили.

Опять прилетела немецкая авиация. Теперь самолетов было уже значительно больше. Они кружились над окопами, сбрасывали бомбы, пикировали вхолостую, включая сирены. В это время новая лавина пехоты и танков начала атаку. Все вокруг было изрыто воронками. Несколько бомб попали прямо в траншею. Стервятники продолжали кружиться, а танки и пехота шли на позиции роты, и вновь острие удара было направлено на взвод Панченко.

Кое-кто думал, что теперь не выдержать. И если были люди, уверенные в обратном, то этими людьми были гвардии лейтенант Панченко и его боевые друзья. Они верили в победу.

Немцы не ослабляли напор. Они вводили в бой все новые и новые силы. Создалось критическое положение. Был убит командир роты: Михаил принял командование на себя. В эту минуту позвонил командир полка. Он сказал Михаилу:

—Слушай, Панченко, о положении твоём не спрашиваю. Знаю, что трудно. Но нужно, брат, продержаться еще часик.

И Михаил громко, так, чтобы слышали все бойцы, бросил в трубку:

—Выстоим, не пропустим!

Постояв несколько минут в раздумьи, он вынул из кармана своей гимнастерки клочок бумаги и быстро что-то написал. Вскоре враг снова пошел на наши позиции. Это была его четырнадцатая контратака. Наши гвардейцы, руководимые Михаилом Панченко, не дрогнули. Они выдержали натиск врага, уничтожили более 200 гитлеровцев. В этом неравном поединке погиб Михаил Панченко. Он дрался, как герой, и как герой умер!

Когда на помощь гвардейцам пришло подкрепление, они сами перешли в контратаку и отбросили гадов.

Отгремела гроза дневной битвы, и на землю опустились сумерки. Гвардейцы хоронили своего боевого товарища. Над его прахом мы поклялись отомстить врагу за смерть героя, за твои слезы, Валя! Мы поклялись защищать тебя и всех наших девушек, весь наш народ так, как защищал Родину гвардии лейтенант Михаил Панченко.

С гвардейским приветом

боевые товарищи Панченко

Л. Горянов, В. Стебаков.

М. МОРЕВ

МИНЕРЫ

От взрыва зазвенели наспех вставленные стекла и весь домишко как-то вздрогнул, словно сдвинулся с места. В окно было видно, как над берегом реки взметнулся огромный столб дыма и, медленно расплываясь, стал уходить на запад.

— Противотанковая, — определила Шура.

Иван Петрович подозрительно посмотрел на племяннику.

— А ты откуда знаешь?

— Как откуда! По слуху определить можно...

— По слуху? Да ты где работаешь? Уж не по этим ли самым штучкам? — обеспокоенно спросил он.

— Ну, что вы, дядя, — улыбнулась девушка. Мы с ней, — кивнула она в сторону подруги, — пиротехники.

— Это что еще за специальность такая?

— Пиротехник? А это насчет фейерверков, дядя...

Иван Петрович недовольно посмотрел на девушку.

— Знаю я, какие теперь фейерверки пошли, — проворчал он. — Скрываешь...

Возвращаясь к себе, Шура говорила подруге:

— Не хотел он, чтобы я минером стала. Опасно говорит, не девичье, мол, это дело, в сестры иди или на метчика учись. Вот я пока и не хочу говорить ему правду.

Оставшись четырнадцатилетней девочкой без отца и матери, Шура видела в Иване Петровиче единственно близкого человека и огорчать его непослушанием не хотела. Но из многих путей, открывшихся перед ней в дни войны, она все же выбрала путь минера. Точно во сне прошли дни

напряженной, увлекательной учебы. И какой страшный и в то же время интересный мир развернулся перед юной девушкой! Она держала в руке маленький кусочек тола и ей не хотелось верить, что в этом крошечном коричневом квадратике заключена огромная разрушительная сила, способная подымать на воздух здания, мосты, рушить целые города...

Это было в прошлом году, когда Шура и ее подруги пришли на курсы минеров, организованные МПВО. А теперь она стояла у только что покинутого вагона и широко открытыми глазами, подавленная и потрясенная, смотрела на груды камней и щебня на месте вокзала, на жалкие остатки заводских корпусов, на изуродованные паровозы, перевитые, исковерканные рельсы. Теперь Шура своими глазами увидела страшное действие этой разрушительной силы, с которой до сих пор она сталкивалась лишь в теории.

Недалекий гулкий взрыв привел девушку в себя. Она посмотрела на своих подруг, вместе с нею прибывших в Воронеж, и на их лицах прочла ту же растерянность и подавленность. Ей хотелось как-то утешить девчат, сказать им что-то теплое, ободряющее.

— Ничего, девушки... — тихо проговорила она. — Построим снова...

Вскинув за плечи сумки, в теплых полубухбах и валенках, девушки пошли в город.

— Осторожнее, — предупредил их военный. — Итти можно только по тропинкам. Здесь еще не проверено, на мину можно наскочить.

Город был пуст. На улицах, закрытых побуревшим от кирпичной пыли снегом, пролегали узкие, только что проложенные стежки.

Вот он, родной, любимый город! Ни человека, ни птицы. Все мертво. Обгоревшие остовы домов глядели на улицы пустыми глазницами окон. Над обломками разрушенных зданий чернели высокие обгоревшие трубы. Холодный январский ветер громыхал листами железа, повисшего на корпусах многоэтажных скелетов.

Шура долго прислушивалась к холодной, нависшей над городом тишине и ее сердце сжималось от боли.

— Что сделали, звери... — шептала она похолодевшими губами.

А под бурой пеленой снега, разбросанные злобною рукой врага, в каждом углу таились тысячи смертей, спрятанных в коричневых квадратиках тола, уложенных в круглые, *четыреугольные и многогранные коробки мин.

И Шура знала, что это ей с ее девушками придется искать эти мины, извлекать их из потаенных мест, вырывать из них смертоносные жала.

Сколько их здесь, в разрушенном городе? И спрашиваются ли они, простые неопытные девушки с этой опасной и почетной работой?

А через несколько дней после приезда, вооруженные щупами, девушки уже расчищали дорогу тому, кто должен был вернуться в родной Воронеж. И среди минеров Воронежского МПВО шло на поиски оставленных врагом смертоносных ловушек отделение комсомолки Александры Фоминой.

Молча поглядывала она на своих подруг.

— Сумеют ли? Все ли вернутся сегодня домой в этой опасной работе? Вот идет Маруся Пилипочкина. Ее родители не успели уйти от врага и сейчас они где-то там, по ту сторону фронтовой черты. Может быть их уже и нет в живых... Оттого на лице комсомолки лежит печать глубокой грусти. Шура уверена в Пилипочкиной. Осторожность и осмоторительность—ее свойства. Другое дело—Найденова Тося, воспитанница детдома, порывистая, подвижная девушка.

— Не парвалась бы,—думает Шура.

Но девушки идут дружной, уверенной стайкой и ведут разговоры о немецкой подлости, о жестокости этих двуногих варваров и каждая мечтает о том дне, когда настанет час расплаты за все, что сделали эти душегубы на нашей земле.

... Вечером Шура Фомина докладывала командиру:

— Обезврежено 250 мин.

Так начались дни тяжелой, полной опасности и смертельного риска работы. Густо начинили немцы Воронеж миной. И с каким утонченным коварством врага сталкивались девушки-минеры во время работы! Они находили мины в печах уцелевших домов, в оставшихся диванах, в пружинных матрацах коек, в свертках газет, даже в брошенных консервных банках. Нельзя было сразу открыть двери, тонкие нити связывали дверную ручку с миной, мины на-

ходили в комнатах, в дворах, у порогов зданий, в шкафах с платьем. Даже трупы были минированы.

Рано утром выходили девушки на заминированные участки и возвращались к вечеру усталые, но довольные своей работой. Изредка Шура вырывала минуты и забежала к родным. А в последнее посещение она узнала, что Иван Петрович ушел в ряды Красной Армии и вместе с другими бойцами сражается на подступах к Украине.

А в город возвращались жители. Они шли по улицам, выходили в свои дома и не каждый знал, что еще вчера на его пути, в его доме таилась коварная смерть, извлеченная смелыми комсомолками из отделения Александры Фоминой. И только частые гулкие взрывы напоминали людям о том, что в городе еще идет большая напряженная работа по очистке его от вражеских мин.

День за днем рос и множился счет мин, обнаруженных, обезвреженных и подорванных отделением Шуры Фоминой. И чем больше девушки находили их, тем зорче делались их глаза, тем острее становился слух, увереннее были руки. Девушки приобретали нужный павык, вырабатывали в себе те качества, какие необходимы минеру.

Минер ошибается только раз в жизни. От пажики на взрыватель до взрыва—четыре секунды. Времени на размышления минеру отведено мало. Девушки это знали. Знала это и Маруся Пилипочкина. Как всегда, шла она в этот день с группой учеников на минное поле. Привычно определила местонахождение мины и начала осторожно раскапывать вокруг нее снег.

— Мало найти мину,—говорила она окружающим ее курсантам,—ее надо обезвредить. Привычно легла рука на медную головку взрывателя, пальцы повернули его влево...

... Очнулась Мария Пилипочкина в хирургическом отделении городской больницы. Тупая ноющая боль в правом виске заставила девушку застонать. Она попробовала поднять руку и не смогла этого сделать.

— Лежите, лежите!—остановил ее врач.—Вы и так потеряли много крови.

Маруся хотела что-то спросить, но лишь беззвучно пошевелила бескровными губами и снова потеряла сознание.

Взрывом мины ей раздробило руку, бедро, повредило глаз. Это была 569-я найденная ею мина, с неожиданным для нее сюрпризом—двойным взрывателем.

А город оживал. Люди рвались в свой родной Воронеж. Прибывающие поезда ежедневно выгружали сотни людей, возвращающихся в родные места. По заснеженным дорогам к городу двигались сотни подвод. Многие шли пешком, везли за собой салазки с уцелевшим скарбом. От Задонского тракта, от Чернавской дамбы человеческий поток растекался по улицам города и люди читали на уцелевших заборах и домах надписи: „Проверено. Проезд в проход разрешен“. „Проверено. Мин не обнаружено“. И люди не знали, что в расчистке этих улиц и домов принимали участие умелые девичьи руки, что каждый день, с раннего утра небольшая группа девушек выходила из общежития и, рассыпавшись по улице, принималась за ее исследование, за проверку домов и других уцелевших зданий.

Люди возвращались в Воронеж, их встречали раскаты глухих взрывов. Это отделение Шуры Фоминой множило счет разгаданных вражеских ловушек.

Около двенадцати тысяч мин за три месяца обнаружил и обезвредил комсомолки из отделения Александры Фоминой. Сколько человеческих жизней спасено руками девушек! Сколько несчастных случаев предупреждено ими!

А по вечерам девушки собирались в кружок и писали дружеские, хорошие письма Марусе Пилипочкиной.

„Выздоровливай скорее, мы ждем тебя с нетерпением...“

И Маруся радостно отвечала:

„Врачи говорят, что глаз будет нормальным. Рука начинает действовать. Скоро снова буду среди вас“.

После перенесенного случая Маруся и не подумала о перемене профессии. Лежа в госпитале, она считала дни, когда ей снова можно будет стать в строй, снова со шупом в руке идти по берегу родной реки, разгадывать хитрые ухищрения врага, обезвреживать смертоносные снаряды.

И вот этот день настал. Маруся вышла из вагона только что прибывшего поезда и осмотрелась кругом. Сердце девушки радостно забило. Ей вспомнился первый приезд в Воронеж. Тогда это был мертвый город, мрачный и страшный. А теперь по путям шли составы поездов, на улицах города кипел человеческий муравейник и сами улицы показались другими. Чисто подметенный асфальт, грохот бегущих трамваев, гудки автомобилей.

Это была новая возрожденная жизнь. Пусть по обеим сторонам еще высятся остовы обгорелых зданий, пусть еще не исчез хаос разрушения с площади 20-летия Октября, пусть еще не убраны груды камня и щебня на месте Дворца пионеров, ВГУ, вокзала, но город уже зажил новой, творческой жизнью, залечивая страшные раны, нанесенные ему врагом. И Мария Пилипочкина всем своим существом ощущала это биение жизни, радуясь тому, что в этом становлении есть и ее доля участия.

Страна высоко оценила работу молодых минеров. Указом Президиума Верховного Совета СССР Шура Фомина, Мария Пилипочкина и их боевые подруги Тося Найденова, Ася Позднякова награждены орденом „Красная звезда“, а Тося Лукьянова — медалью „За отвагу“. И, когда подруги поздравили Шуру с высокой наградой, она крепко пожала им руки и, отвернувшись, вытерла непрошенные слезы.

— Эх, дядя, дядя, — прошептала она. — Не дождался...

Вынула из кармана небольшой листочек бумаги и с грустью прочла письмо от незнакомого фронтовика, в котором тот рассказал, что Иван Петрович Шатилов пал смертью героя в боях за Родину.

М. СЕРГЕЕНКО

БОЕВОЙ ТОВАРИЩ

Рассказ

Вы хотите, чтобы я рассказал об Ане Скоробогатько? О нашей Ане... Хорошо, я расскажу о ней, потому что для нас — бойцов истребительного батальона — тех, кому она в тяжелые дни была другом и боевым товарищем, на чьих глазах она героически приняла смерть, дорого, чтобы наши люди, которые поднимают к жизни разрушенный немцами Воронеж, знали о ней, отдавшей свою молодость за наш родной город.

Но, может быть, вы думаете услышать от меня рассказ о необыкновенном, — о таком, когда человек совершает что-нибудь, казавшееся невозможным, — тогда я прямо скажу, — Аня была убита во время атаки, в которую она шла рядовым бойцом, плечом к плечу со своими товарищами. И еще я хочу сказать, что и другие наши девушки тоже вели себя под огнем мужественно и достойно, не бегали от опасности и честно делали все то, к чему обязывал их долг и что было положено им делать, как бойцам, в наступательном уличном бою, который мы вели с опытным и злобным врагом. Но именно поэтому и нужно рассказать о нашей Ане...

Какова она была собой — Аня Скоробогатько?

Это была очень здоровая девушка, — среднего роста, крепкая, краснощекая. Помнится, однажды кто-то из наших ребят назвал Аню в разговоре кубышкой. Сказав это было не в обиду ей, потому что за этим была, пусть и грубоватая, но дружеская ласка, и Аня вместе с нами посмеялась такому названию, которое, надо признаться, немножко соответствовало ее наружности.

Однако, это вовсе не значит, что Аня, даже при первой встрече, оставляла заурядное впечатление только здоровой и жизнерадостной девушки. Было в ней что-то такое, что невольно привлекало к ней внимание, выделяло ее среди подруг. Темные волнистые волосы, которые она зачесывала назад, открывали высокий и чистый лоб, за которым угадывалась спокойная вдумчивая мысль и настойчивый пытливый ум. Черные, тонко очерченные брови, похожие на крылья ласточки в стремительном полете, оживляли ее лицо, делали его энергичным и в то же время женственно привлекательным.

Глаза у Ани были тоже темные. Впрочем, о глазах ее надо сказать особо. Они запоминались. Сейчас — они спокойные и веселые, можно сказать, даже мечтательные глаза, и вдруг промелькнет в них такая твердость, такой огонек загорится где-то в глубине, что сразу поймешь, какой сильный характер у этой девушки, и если она решила что-либо, будет до конца стоять на своем и обязательно этого добьется.

Родом Аня была из слободы Алексеевки, из рабочей семьи. К труду была приучена с детства. Все так и спорилось в ее руках, потому что за всякое дело она бралась с душой и никакую работу не считала для себя зазорной.

Она была хорошим товарищем. Никогда не была обидчивой. Трудности переносила, словно не замечая их. С ней было легко и просто. Было о чем поговорить, потому что Аня не только много читала, но и умела своими глазами смотреть на жизнь и разбираться в том, что делается вокруг, не полагаясь на чужие слова.

Любила Аня песню, особенно украинскую задушественную песню, которая радует и тревожит человеческую душу.

И дружескую шутку она понимала и ценила. Если же кто из ребят разойдется через меру и сболтнет что-нибудь такое, чего не следует говорить перед девушками, она не делала из этого никаких историй. Скажет спокойно, как бы между прочим:

— Может, на сегодня довольно, ребята?..

И тот сразу прикусит язык, чувствуя неловкость и смущение.

Следует ли говорить, что Аня, как и другие наши девушки, никогда не отказывалась помочь товарищу — пришить пуговицу или постирать рубаху. Она была очень

отзывчива и охотно жертвовала своим досугом, не считая это одолжением.

Способности у Ани Скоробогатько были большие. К нам в батальон она пришла студенткой четвертого курса зооветеринарного института и сталинской стипендиаткой. Это дается не каждому.

На ветеринарный факультет Аня поступила по своему желанию, хотя родные предпочли бы видеть ее студенткой медицинского института.

— Ну, что вы, мамуся, мне все толкуете об этом, — шутя возражала она. — Доктору, если хотите знать, легче работать, чем ветеринару. Человек сам скажет, что у него болит, а вы попробуйте, узнайте, чем животное болеет, когда оно и слова выговорить не может.

Конечно, это была только шутка, но скрывалось за ней и нечто серьезное. Аня не любила проторенных дорожек. Ее манило к себе новое, мало исследованное. С детства она любила живую природу, стремилась проникнуть в ее тайны. Летом, во время школьных каникул, Аня целыми днями пропадала в лесу, на лугу, у речки, ловила насекомых, лягушек и сама препарировала их, стараясь разобраться в чудесном устройстве их организма.

В истребительном батальоне Аня была исправным дисциплинированным бойцом, хотя для девушек это вначале было трудно. Я знаю только один случай, когда она нарушила устав. Дело было в Воронеже, еще до июльских боев. Ночью я, как караульный начальник, делал обход объекта. Аня стояла на лестнице под лампой на внутреннем посту. Должно быть, она не слышала моих шагов, потому что не успела закрыть книгу. От стыда ее бросило в жар. Все лицо залилось густым румянцем. Такой смущенной я ее никогда не видал. Нетрудно было догадаться, что, стоя в карауле, она готовилась к зачетам. Я ограничился только дружеским замечанием, — я знал, что это больше не повторится...

Аня любила пулемет и хорошо разбиралась в нем, но быть пулеметчицей ей не довелось.

В июне 1942 года на фронте создалась напряженная обстановка. Готовясь к прорыву, немцы изо дня в день жестоко бомбили наш город. Это совпало с окончанием экзаменов в институтах. Ане предстояло ехать на практику. Но она пришла к директору и сказала, что не уедет из города. Она считала, что не имеет на это права, что

для нее было бы бесчестным покинуть сейчас батальон и не разделить со своими товарищами опасность. И она настояла на своем.

Такова была Аня Скоробогатько — девушка из истребительного батальона, которую нельзя было не уважать и не любить. Конечно, о ней следовало бы рассказать гораздо больше. Я не знаю, как это назвать, но в ней была какая-то чистота и внутренняя сила, которая словно поднимала окружающих ее людей, заставляла их строже проверять себя перед своей совестью...

В те дни мы жили только одной мыслью, одной болью. Мыслью о мести, болью за разрушенные, оскверненные немцами наши города и села, за пролитую врагом кровь наших людей, болью за наш Воронеж. Только река отделяла его от нашей передовой линии. Среди пожелтевших, уже тронутых осенью садов мы видели его дома, и издали могло казаться, что он попрежнему такой, как раньше. Но густой дым полз над его крышами, порой слышались глухие, тяжелые взрывы. Это немцы выжигали квартал за кварталом, взрывали лучшие здания города. А когда дым рассеивался, можно было рассмотреть лустые просветы окон и обезображенные обвалами стены хорошо нам знакомых, нашими руками построенных новых домов. Из рассказов наших товарищей, — тех, кто, презирая смерть, тайно побывал в городе, мы знали о жестоких страданиях близких нам людей, которые не успели уйти, остались там. На улицах стояли виселицы. Они были на Проспекте Революции, на улицах Кирова, Сакко и Ванцетти, в Первомайском саду и Петровском сквере. Потом мы узнали, что немцы угнали к себе в тыл, — на голод и на муку, — всех, кто еще оставался в живых. Тех, кто не в силах был идти, — больных, стариков, детей, они собрали в здание новой школы на Чижовке, оттуда вывезли на машинах за город, и расстреляли. Ненависть жгла нас. Мы ждали дня расплаты...

И он наступил. Был получен приказ подготовить истребителей к боевой операции. Никто еще не знал, какая задача будет поставлена перед нами, но каждый сердцем чувствовал, что мы будем участвовать в боях за родной Воронеж. И вдруг последовало распоряжение командира — женщин оставить на месте, он не хотел подвергать их опасности уличного боя.

Если бы вы видели, что творилось с нашими девушками! Они ходили грустные, подавленные,—на них было тяжело смотреть, в их глазах мы читали обиду и невысказанный упрек. Бойкая и обычно смешливая Роза Попенко тихо-го плакала.

Я знал, что они тайком приготовили все необходимое для похода—винтовки, патроны, гранаты, уложили вещи в сумки.

В середине дня Аня Скоробогатко явилась к начальнику штаба. Я присутствовал при этом разговоре. Она пришла полная выдержки и достоинства, внешне спокойная, но в глазах ее горел знакомый мне упрямый огонек, и я знал, она не отступит от того, что твердо продумала и на что бесповоротно решилась.

— Товарищ, начальник штаба!—сказала она твердым, но каким-то сдавленным, будто не своим голосом.—Кто в нашей стране может запретить нам—девушкам, с оружием в руках защищать свою Родину? Я уверена, что вы не откажете передать командиру нашу просьбу и похлопотать о разрешении нам участвовать в предстоящем бою наравне со всеми бойцами. Иначе какой смысл имеет наше пребывание в батальоне?

Глубокое волнение не мешало ей говорить с неотразимой логикой. Она добилась своего и на этот раз. Командир удовлетворил просьбу наших девушек—он разрешил им участвовать в бою...

Реку мы перешли, когда уже занимался туманный осенний рассвет. Мы шли гуськом по шатким, хлюпающим в воде доскам временной переправы, проложенной вдоль взорванного моста новой дамбы, шли на тот берег, где уже вели бой с врагом части регулярной Красной Армии. Немцы чувствовали себя беспокойно. Они наугад обстреливали реку, и мины с противным воем и визгом рвались где-то неподалеку от нас. Многие из наших товарищей впервые участвовали в бою. Разрывы мин заставляли их вздрагивать и нагибаться. Скорее это был не страх, а невольные инстинктивные движения необстрелянного бойца. Я посмотрел на Аню. Она шла прямая и строгая, уверенно ступая по колеблющимся под нашими шагами доскам. Через плечо у нее была сумка с медикаментами, за спиной винтовка. Я скорее догадался, чем увидел, как она улыбнулась мне. Наверно, она подумала тогда: „Что ты

так смотришь на меня, дружище? Я—такая, как всегда. Не бойся, я не подведу“.

Она до конца держала себя молодцом, наша Аня,—словно зная, как важно ее спокойствие, ее ободряющая улыбка для тех из нас, кто еще не научился быть полным хозяином своих чувств.

Только один раз я видел в то утро, как бледность тронула ее щеки и как страдальчески дрогнули ее губы. Мы переходили через узкий окоп, брошенный немцами. На дне его лежал лицом вниз убитый мальчишка лет четырнадцати. Он был босой, в одной рубашке, худенький и тщедушный. На спине его запеклось бурое пятно крови. Он был застрелен немцами в спину...

В моей памяти навсегда осталась Аня такой, какой я видел ее незадолго перед началом атаки. Шла артиллерийская подготовка. Непрерывная канонада заглушала все звуки, и от этого людьми овладело беспокойство и нервное нетерпение. У штабной землянки, закрытой от немцев бугром, на корточках сидели комиссар Купыгин и командир взвода Гриценко. На коленях у них был план города. Аня стояла неподалеку от них, держа обеими руками поставленную перед собой на землю винтовку. Она смотрела туда, где лежала тихая сейчас река, над которой медленно таяли порозовевшие на солнце клочья тумана. Глаза Ани были глубокими и задумчивыми. Может, она любовалась этой спокойной картиной, так не соответствовавшей дикому хаосу злобных и отрывистых звуков, сотрясавших воздух. А может, она и не видела в эту минуту реки, думая о том необъятно большом, чем было полно ее сердце—о своей любимой родной земле, истерзанной злобным врагом, о своей Родине, за которую она сейчас, не колеблясь, пойдет навстречу опасности и самой смерти...

Потом мы пошли в атаку. Двигались рассредоточенно. Нам предстояло выбить немецких автоматчиков, которые вели огонь вдоль улицы Веры Фигнер. Здесь был ранен в руку командир взвода Гриценко. Несмотря на жестокий обстрел, он шел впереди бойцов, показывая пример мужества и неустрашимости. Раненый, он не хотел покинуть поле боя, говоря:

—И одной рукой буду драться с проклятыми фашистами.

Потом бой перекинулся в извилистые улицы и переулки, сады и огороды, где под ногами лежали неубранные

никем кровавокрасные помидоры. За стенами домов и на чердаках засели немецкие пулеметчики и автоматчики. Их интенсивный огонь не давал нам развернуться. Здесь мы потеряли нашего комиссара Куцыгина. Как всегда спокойный, слегка шуря близорукие глаза, он обходил бойцов, ободрял их задорным солдатским словом, учил маскировке, указывал более выгодные позиции и рубежи. Пуля вражеского снайпера сразила его.

Мы неудержимым порывом ворвались в расположение немцев, полные ярости и ненависти к врагу, мы стреляли, бросали гранаты, мстя за нашего комиссара, и не думали ни о страхе, ни о смерти, которая на каждом шагу стерегла нас.

В жестокой схватке мы не заметили, как ранило Аню...

Мы склонились над ней, разгоряченные боем и первой победой, еще не понимая, что произошло. Желтизна уже проступала на ее лице. Мы подняли ее и понесли к медпункту. Мы никак не хотели поверить, что это—смерть.

Но ничто уже не могло помочь ей. В ушах наших звучали ее последние слова:

—Товарищи!.. Я умираю за Родину... За Сталина... Отомстите за меня...

Мы похоронили ее здесь же, у зарослей бузины, во дворе маленького домика, разрушенного немецкой бомбой. Кто-то из нас принес и положил на ее могилу сорванную на затоптанной клумбе последнюю осеннюю астру, уже тронутую приморозком.

Потом мы опять пошли в бой. Боль утраты и жгучая ненависть к врагу вели нас вперед. Дом за домом очищали мы от фашистов, продвигаясь все ближе к центру города. Десятки отборных гитлеровцев заплатили своей поганой кровью за смерть нашей Ани.

Но ярость наша не была утолена...

Л. НИКОЛАЕВА

В ТЫЛУ ВРАГА

Ивана Кульбатченко, по-уличному. Юрко, знают далеко за хутором Осадчий. Знают его не только в своем, Ладомировском районе, но и в соседних—Никитовском и Алексеевском.

Небольшой ростом, ладный и подвижной паренек был организатором колхозной молодежи. Дельный и заботливый бригадир—он пользовался большим уважением и любовью своих односельчан.

На первый взгляд Кульбатченко кажется немного нелюдимым. Темные глаза его строго глядят из-под низко очерченных узких бровей, плотно сжаты тонкие губы. Но строгие глаза часто поблескивают веселыми искорками, немного вздергивается длинный нос, блестят белые ровные зубы. Юрко веселый удалой парень. За веселье и удаль и любит его молодежь.

Летом 1942 года немцы прорвали нашу оборону. Всю неделю с 7 по 15 июля непрерывно шли немецкие и итальянские войска через Ладомировский район к Дону. Некоторым на хуторе казалось тогда, что пришел конец...

Невыносимо было Ивану и его другу Василию Ткаченко оставаться у немцев и решили они уйти к своим.

Плакали ближние, прощаясь с ребятами. Но они, бодрые, уверенно говорили, что скоро вернутся.

Свечерело. Опустели улицы. Стало тихо, тревожно и неуютно. В темноте с котомками за плечами, одетые по дорожному Иван и Василий вышли на дорогу.

Сердце билось от волнения. Хотелось скорее пробраться и снова увидеть свою родную Красную Армию и помочь ей в борьбе с проклятой немчурой.

Пройти не удалось. Итальянцы схватили Ивана и долго допрашивали. Назвался он погонщиком скота из другого района. Но шустрый русский паренек вызывал подозрение. Оккупанты боялись—не партизан ли и зорко следили, чтобы не убежал.

Иван пошел на хитрость. Чтобы заслужить доверие, он начал петь русские песни. Особенно нравилось солдатам, как „Катюшу“ русский распевает.

— Карашо, карашо, рус!—хохоча, говорили они.

И шел Иван, панамы называл ненавистных, еле сдерживая злобу. Но все-таки его не отпускали, а попрежнему допытывались, не партизан ли он сам, нет ли партизан в районе, о коммунистах и активистах колхоза расспрашивали.

Вызвался однажды Иван проводить двух солдат к колодцу за водой. Места кругом известные,—решил он бежать.

Солдаты положили автоматы наземь. Один ведро опускает, в колодец нагнулся, другой ему помогает.

Оглянувшись Иван—до камыша всего несколько шагов, а камыш густой, высокий! Кинулся в болото, в камыш, да и был таков.

Не решились солдаты в болото бросаться. Засвистели пули вслед, но все мимо.

Недели три Иван не являлся домой, а потом—мать так и ахнула—пришел грязный, раздетый, разутый да еще притащил с собой автомат и патроны. Знал он, что скоро пригодятся они, и спрятал их в сарае так, чтобы и мать не видала.

Староста Березка настаивал поставить его бригадиром, да ничего не вышло. Не захотел Иван работать на немцев. На поле выходил изредка и не для работы, а подговаривал крестьян не сдавать хлеб немцам. А вскоре со старостой поскандалил. Уж очень тот ретив стал для немцев: не выполнили колхозники приказ коменданта, не сдали свиней грабителям,—так коров стал отбирать.

И не иначе, как этот прохвост Березка донес на Ивана, что опасный он человек, партизан, наверное...

Как-то к вечеру из Алексеевки нагрянули домой восемь полицейских. Мать открыла дверь.

— Где сын?

— Пошел на общество.

— Прячется он в болоте!..

Потом шарить дома стали, в сарай лазали и ни с чем ушли.

Через неделю, на рассвете мать только что задвигала горшками у печки, как тихонько постучали в дверь. От крыла и обмерла—опять полицейские.

— Где Иван Кульбатченко?

— В хате спит,—оробев ответила мать.

Ворвались в хату: окно, замазанное уж к зиме, открыто настезь, смятая постель.

А Иван махнул через соседний плетень и в одних кальсонах, босой и без фуражки, сбежал вниз по огородам и скрылся в камыше.

Поднялась стрельба. Лаяли соседские собаки, бесновались полицейские.

Накинулись на мать.

— Где сын, паскуда?—орали они наперебой.

Один ударил по спине.

— Говори!

Ударил еще, еще и еще...

А в уголке за печкой притаилась сестренка Маруся. Она вся дрожала от испуга, и только черные большие глаза ее зло блестели. Мать показала глазами „уходи“,—и Маруся тихонько выскользнула за дверь.

Полицейские снова стали рыскать по хате. Забрали часы, спички, даже столетние ножницы, ржавые гвозди—ничем не пугнувшись.

Три дня они караулили дом, поджидали, не явится ли Кульбатченко.

С тех пор дома жить ему стало невозможно. Приходилось скрываться в других местах. Чаще всего он был в соседнем хуторе, в колхозе „Красный луч“ у Клименко Владимира Иосифовича (председателем колхоза сейчас он работает). Кругом там болота, и солдаты редко заходили туда.

Собирались у Клименко и ребята из соседних хуторов и сел, приносили и прятали всякое оружие, какое удавалось раздобыть,—автоматы, пулеметы, винтовки. Приносили продукты для Ивана и других ребят, для красноармейцев, попавших в окружение и притавившихся от немцев.

В школе со своей семьей жила молодая девушка Варя Чернуха. Всей душой ненавидела она немцев. Она тоже помогала Ивану и другим, чем могла.

Но тянуло Ивана на свой хутор, к своим парням и девушкам.

Однажды вечером собралась молодежь. Вдруг с улицы кто-то постучал в окно. — Юрко! — радостно и испугом отозвалось несколько девичьих голосов.

Впустили. Радостно было, что жив паренек, и опасались, как бы не попался.

Расспрашивали, как живет, рассказывали, что комендант шелякинский приказывает немедленно хлеб, свиней и кур сдавать для армии немецкой, что староста и полицейские притесняют народ.

Некоторые девушки плакали от тяжелой жизни. Каждый вспоминал родных, что в Красной Армии сражаются.

Иван, всегда веселый, пошутил, что грязный, не в порядке пришел на вечер. А потом сказал, что заживем скоро попрже, что не долго Березке тешиться над горем крестьянским.

Слушали ребята Ивана, широко раскрыв глаза, и каждому хотелось быть смелым, как он. Обещали помочь, приглашали, в случае чего, к себе.

Иван страх наводил на всю местную власть, на полицейских, на старосту.

Как-то ночью он взломал дверь колхозной кладовой, где заперли двух заподозренных в партизанских действиях военнопленных, скрывавшихся от немцев и сказал: — „Валяй, ребята!“

Сторожившие полиция, дрожа за свои жизнишки, даже стрелять не посмели.

Бесился староста Березка, бесились полицейские, но сделать ничего не могли: укрывали Ивана односельчане.

Плохо крестьяне везли хлеб немцам. Ночами раздавали его работавшим в поле, чтобы не достался немчуре, а свиней резали. И напрасно раз'езжал по селам гестаповец Керкс Эйрих, „черный“, как звали его в районе, и угрожал виселицей и дубиной.

Иван продолжал мстить ненасытным злодеям. То магнето в тракторах пропадало, то портился карбюратор и приостанавливалась молотба.

Знал Березка, что все это от Ивана идет, но трудно было найти виновника.

Приходит он к матери и говорит:

— Приведи сына на общество, пусть покается перед всеми, а иначе и тебя повесим и дочь твою на глазах растерзаем.

Плакала мать, каждый день и каждую ночь, опасаясь за сына.

А тут узнала, что каратели забрали в Алексеевку Варю Чернуху и Нюсю Костыря из „Красного луча“. Знали в селе Варю как хорошую, работающую девушку, любили ее. До немцев она была секретарем Николаевского сельсовета. Хотел было Березка сделать ее своим секретарем, чтобы через нее на крестьян влиять.

— Нет, — отвечала Варя. — Чем жить на коленях, лучше умереть стоя.

А Нюся Костыря, племянница ее, только из Тулы приехала. Знала она немцев по Тульской области и ненавидела их.

Девчата помогали красноармейцам, попавшим в окружение, одевали, кормили, прятали их. Бывало вечером постучатся в окно — они шпатов на голову и за ворота.

— Дитятко милое! Побереги ты себя, живем ведь у зверя в зубах, — говорила бывало Варя мать ее Наталья Чернуха.

Не спится ночью старой! Чужало сердце горе большое, и нагрянуло это горе. Случилось это 30 ноября.

Привел старик Омелька в дом мадьяр из карательного отряда и отвели двух девушек в Алексеевку.

Терзали их страшно. Палками избивали, подвешивали два раза, сорвали ногти с пальцев рук, отрубили пальцы на ногах, а потом раздели и два часа издевались на морозе.

— Гады проклятые! Последние рубахи сорвали с нас. Тешьтесь! Стреляйте! За нас отомстят! — крикнула перед смертью Варя.

Ударил мадьяр ее прикладом по голове.

— Дождись! — и захохотал, когда потек выбитый глаз по девичьей щеке и когда упала она на снег без сил.

На следующий день утром нашли истерзанные девичьи тела под снегом за Алексеевской тюрьмой. Еле упростили родственники разрешения одеть девчат в рубахи и закопать.

Узнал Иван о гибели подруг, узнал, что взяты они были по доносу старосты хутора Гарбузова, Алексеевского района, решил отомстить злодею.

Ночью слышит гарбузовский староста, что под'езжает кто-то на сани к его дому. Назвали себя полицейскими. Открыл он дверь и сразу почувствовал, что не жилец он больше. Один в дверях остался, а другой в хату вошел. Хотел староста бежать, да не тут-то было,—пристрелили проклятого!

И опять полицейские рыскали, опять искали Ивана Кульбатченко.

* * *

Быстро расходилась правда о Сталинграде по селам и хуторам. Ждали все родную Красную Армию—освободительницу. И хотя в новогодней речи своей окружной староста Елисеев уверял, что нет возврата русской армии в эти края, что сильна и несокрушима армия немецкая,—никто ему не верил.

Вскоре пришлось немцам удижать. Победоносные войска наши по району проходили шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого января. Шли все вперед и вперед, гнали и беспощадно уничтожали ненавистного врага.

Но и после этого разрозненные вражеские группы, большие и маленькие, пробирались в направлении Валук и Алексеевки и перед своей поганой смертью пытались еще раз нанести зло советским людям.

Как голодные шакалы накинулись они на деревни. Попадали все, что попадалось. Иззябшие, с сосульками под носом, с обмотанными всяким тряпьем ногами и головой, они лезли поближе к огню, выгоняли жителей из хат, жгли изгороди, сараи. Жгли все, что могло гореть, но никак не могли согреться у русского огня.

Население активно помогало Красной Армии уничтожать врага. Организовались в районе из селян отряды и группы истребителей.

Одним из самых боевых отрядов истребителей в районе был отряд Ивана Тимофеевича Кульбатченко. Пригодился ему теперь спрятанные автоматы, пулеметы, винтовки.

40 человек было в его отряде. Молодые ребята-подростки Паша Тищенко, Сережа Шарый, взрослые колхозники—Голиков, Клименко,—весь отряд уважал своего бое-

вого командира, все с точностью выполняли его боевые задания.

С двадцать второго по двадцать шестое января появились в районе несколько растрепанных дивизий противника. Первая разведывательная группа немцев показалась у Шелякино. Отряды истребителей построили оборону и не пропустили врага к районному центру. Тогда он метнулся в сторону, пытаясь пройти между Шелякино и Запальное, но туда подошли части Красной Армии и у хутора Осадчий враг был достигнут и уничтожен.

А через день после этого новая группа противника в несколько тысяч человек с танками и орудиями, двигаясь к Ново-Дмитриевке и превосходя количеством во много раз нашу оборону, захватила Шелякино.

Остервенелые бандиты в бешеной злобе истребляли всех мужчин, подростков и мальчиков—всех, кого захватили.

Отсюда они кинулись на Ладомировку и Варваровку. Но здесь-то им и пришел конец. Красная Армия разгромила вражеские полчища.

Отряд Кульбатченко под Варваровкой сражался отважно. Каждому довелось прикончить побольше десятка фрицевских подлых жизней, да и в плен захватили больше тысячи. Не удалось гадам проползти в свое гнездо и не удалось больше выпустить жало свое.

... Когда на хуторе Осадчий вспоминают прошлое, вспоминают о январских боях в районе против немецкого зверья, говорят, что Иван Кульбатченко спас хутор Осадчий от разграбления.

Сейчас Иван Кульбатченко в Красной Армии сражается с врагами Родины. Он молод. Ему только 18 лет. Гвардии парашютист—он с честью выполняет боевые задания.

А. ТИХОВ.

ПОД ВРАЖЕСКИМ ОГНЕМ

Собрание в Таловском депо подходило к концу, когда на трибуну взойшел молодой машинист Иван Носков. Комсомольский организатор—вожак своей паровозной бригады, он горячо принимал к сердцу все, чем жили в эти дни паровозники.

Поговорить было о чем,—и ему хотелось поскорее высказать свою мысль. Она возникла у него внезапно, еще не сформировалась, как следует, но он был уверен, что скажет именно то, что нужно сейчас для производственного подъема. Он знал, что и с малыми силами, какие сохранились после эвакуации из Лисок, можно двинуть к фронту казавшийся бесконечным поток поездов, захлестывавший Таловский узел.

Взволнованно оглядев собравшихся после работы товарищей, Носков начал:

— Как много хотелось бы сказать... Вы подумайте только, какие потери!.. Курск, Ростов, часть Воронежа... А сейчас—Сталинград в опасности. Горит наш родной город! И от этого пылает сердце у каждого из нас. Но не слова нужны нам, а дело. Бригада нашего комсомольского паровоза предлагает создать фронтową паровозную колонну „За Сталинград“. Работать в ней смогут только те, кто не отступает ни перед какими трудностями и, если требуется, готов пожертвовать жизнью.

Короткая, но выразительная речь комсомольского организатора взволновала паровозников. Они не знали еще, чего от них потребует командование, но каждому хотелось внести свой вклад в дело защиты города-бойца.

В знаменательные ноябрьские дни 1942 года, когда Красная Армия, ломая сопротивление врага, перешла в наступление в районе среднего течения Дона, в депо Таловая Юго-Восточной железной дороги была создана фронтová ударная колонна паровозов „За Сталинград“.

Первыми по праву в нее вошли бригады старших машинистов Иванова, Беспалова и Крюкова.

Быть в колонне—это означало строго по графику водить поезда, экономить уголь и смазку, по-луцински ухаживать за локомотивом, а главное быть стойким, не допускать ни тени трусости и паники.

Колонна быстро росла. Отстававшие ранее паровозные бригады подтянулись, отремонтировали свои локомотивы. Вскоре в колонну были включены паровозы старших машинистов—коммунистов Буйволова, Будуккина и других. Соревнование за право быть в колонне разгоралось и способствовало общему подъему работы. Выезжая под поезд, машинисты требовали у диспетчеров фронтové путевки. Паровозники понимали, что от их работы теперь зависит многое в успешном развертывании героического наступления советских войск в районе среднего Дона и на Воронежском фронте. Советским дивизиям необходимо было вооружение, боеприпасы, продовольствие и боевое пополнение. Все это нужно было подвезти вовремя, без задержек.

Жаркие были эти дни. Машинисты, помощники, кочегары жили одной мыслью, одним стремлением—выдержат экзамен перед фронтом, преодолеть все трудности.

Поезда шли густым потоком. Паровозники по несколько суток не сходили с локомотивов. Но впереди всех неизменно шел комсомольский паровоз машинистов Носкова, Иванова и Власова. Он был исправнее и чище всех. В тендере паровоза постоянно имелся достаточный запас воды и угля. В котле всегда хватало пара.

Из каждых десяти поездов—семь поездов брали и вели к фронту бригады фронтовой ударной колонны „За Сталинград“, а там, где требовалась особо срочная доставка грузов, в голову поезда ставился комсомольский паровоз. Этот паровоз не задерживался ни одной лишней минуты в пунктах оборота. Бригада всегда успевала почистить в пути топку, дымовую коробку, приготовить тендер для набора угля и посуду для смазки. А прибыв в основное

или обратное дело, успевала за 30—40 минут закинуть паровоз и привести его в полную боевую готовность.

И сейчас еще машинист Носков вспоминает эти зимние рейсы.

Однажды при 30-градусном морозе, сопровождавшемся сильным боковым ветром, вывел он из Таловой эшелон с танками. Вскоре же за станционными путями начался затяжной подъем. Паровоз стал боксовать. Песочница действовала исправно, но сильный боковой ветер сносил песок с рельс.

За окном была непроглядная декабрьская ночь и стужа, а Носкову было жарко. С него пот льет в три ручья. Он посадил на свое место помощника и с азартом действовал лопатой. Бурый уголь горел, как солома в костре, но не давал достаточного жара. Стрелка манометра медленно отклонялась влево. А тут еще лишний груз—двести тонн. Командант уговорил не отцеплять вагонов. Носков решил, во что бы то ни стало преодолеть подъем и вытянуть состав.

Звонко хлопает кочегар дверцей шуровочного отверстия, открывая его в тот момент, когда Носков широким взмахом лопаты бросает в топку уголь и немедленно захопывает, чтобы не охлаждать топку. Тут секунды должны решать успех парообразования. Машинист и кочегар понимают это. Движения их четки, быстры, рассчитаны по секундам. И вот стрелка остановилась. Проходит минута, другая,—стрелка снова вздрагивает и начинает медленно отклоняться вправо.

— Вытянем!—весело кричит Носков, и все улыбаются.

Снова в ярком свете топки мелькает лопата в руках Носкова. Временами он останавливается и чутко вслушивается в ритмичную отсечку паровоза. Выход постепенно ускоряется. Ровно натянутый состав идет все плавнее. Стрелка на манометре приближается к 14. Пробоксование прекращается. Носков занимает свое место и выглядывает в окно. Вдали еле видимый светится зеленый глазок семафора. Скоро станция.

— Закуривай, ребята!—весело говорит Носков.

Но вдруг он пастораживается и начинает напряженно вслушиваться. Его чуткое ухо улавливает сквозь привычный ритмичный шум, какой бывает обычно при движении поезда, глухой перемежающийся гул самолета.

— Внимание, товарищи!—предупреждает он бригаду и резко тянет к себе рукоятку регулятора.

Почти тотчас же впереди в сотне метров от паровоза взорвалась авиабомба...

А вот другой рейс.

Чтобы быстрее выгрузить с платформ танки, он въехал на станцию Икорец задним ходом, ведя весь состав впереди паровоза. Начинало смеркаться, но немецкие наблюдатели заметили прибывший поезд и стали бить по станции из дальнобойных орудий. Носков приказал помощнику и кочегару покинуть будку и укрыться за паровозом, а сам остался на своем месте.

Снаряды рвались впереди и сзади паровоза. Но молодой механик не покидал своего места у реверса. Разгрузка шла полным ходом. Заранее подготовленные с прогретыми моторами танки один за другим сползали с платформ и уходили в ночь. Через полчаса молодой машинист увел порожний состав. Танки были выгружены в целости.

Но не всегда дело кончалось так удачно. Однажды во время фронтового рейса фашистским летчикам удалось подбить паровоз отважного комсомольца.

Это было среди белого дня. Он вел состав с боеприпасами. Поезд входил уже на станцию, когда на паровоз набросилась целая стая фашистских стервятников. Носков не растерялся. Он немедленно остановил состав и приказал помощнику отцепить паровоз. Когда это было сделано, он полным ходом двинулся дальше, чтобы отвлечь самолеты от взрывчатого груза.

Его расчет оправдался; самолеты не отставали, преследуя локомотив.

— Будьте вы прокляты!—пробормотал молодой машинист.—Вот привязались! Ну, я вам докажу, что и я не лыком шит.

Он остановил паровоз и открыл кран. Локомотив окутало паром.

Самолеты стали удаляться. Дождавшись, когда они скрылись, Носков закрыл кран и принялся за осмотр паровоза.

Из пробитого тендера била струя воды. Вместе с помощником Носков забил туда деревянный колышек, а затем вернулся к оставленному составу и втянул его на станцию. Ценою порчи паровоза он спас поезд с боеприпасами.

С каждым днем все больше и больше рос боевой счет фронтовых рейсов Носкова.

Во время одной из поездок к фронту пал на посту смертью храбрых его помощник Сергей Крючков. Эта утрата наполнила его сердце еще большей ненавистью к фашистским разбойникам, еще сильнее закалила его волю.

...В пятидесятый фронтowej рейс бригаду пришел проводить комсомолец диспетчер Трофимов. Он объяснил машинисту задание военного командования и, передавая фронтową путевку, спросил:

—Справитесь?

—Справимся,—твердо ответил Носков.

—Но имейте в виду, станция под обстрелом.

—Ничего! Попробуем...

—Ну, желаю успеха! Я буду все время следить за вами по селектору.

Фигура диспетчера утонула во тьме, но светлый огонек его фонаря еще долго виднелся на оставшейся позади станции.

Молодой машинист, прильнув к окну, зорко смотрел вперед. Ветер рвал с головы фуражку, бросал ему в лицо снежную пыль, слепил глаза. Но он ничего не чувствовал.

Близился фронт. Его не было видно, но он чувствовался в мертвенно-бледном свете взлетающих в небо ракет и треске выстрелов.

Станция Лиски. Рассветает. Принесли путевку. Паровоз плавно двинулся к выходным стрелкам горочного парка и здесь стал виден враг.

Вблизи рвутся мины—одна, другая, третья. Осколки со звоном бьют по скатам. Помощник машиниста бросается к регулятору, но широкая ладонь машиниста останавливает его.

Мелькает последняя стрелка, и паровоз медленно уходит в глубокий карьер. Тут машинист сам толкает регулятор до отказа. Колеса вращаются все быстрее и быстрее. Локомотив с шумом выносится на под'ем. А враг только этого и ждет. Вокруг паровоза опять начинают рваться снаряды, мины, вздымая кучу снежной пыли.

Носков неподвижно стоит на своем месте. И только побелевшая от напряжения рука, сжимающая регулятор, выдает его волнение.

Наконец канонада замолкает. И тогда становятся слышны с детства знакомый свист запутавшегося в про водах ветра и веселый говор колес.

На лице машиниста мелькает улыбка.

— Ну, вот и все,—говорит он помощнику и тянет рукоятку регулятора к себе, затем дает залихватский сигнал.

На станции, куда стремилась пробиться бригада, паровоз встретил командир фронтowego участка майор Клеткин.

— Прескочили?—просто спросил он.—Хорошо! Я вам тут работы накопил дней на пять. Придется собрать вагоны со всего участка, сформировать несколько маршрутов.

— Сделаем,—заявили комсомольцы.

Неделя подходила к концу. Бригада работала день и ночь. Лишь в короткие минуты отдыха молодой машинист заходил в контору дежурного по станции, садился в уголке на табурет и на четверть часа закрывал глаза.

Когда разбросанные по станциям фронтowego участка вагоны были сформированы в составы и подготовлены к отправлению, Носков взял самый важный из них и среди бела дня повел мимо огневой линии. Снова близ поезда рвались снаряды и мины, осыпая осколками паровоз и вагоны.

На станции, куда он привел поезд, командир фронтowego участка крепко пожал его руку и сказал:

— Когда-нибудь о ваших трудовых подвигах напишут песню, которую будет петь молодежь.

Машинист не понял, о каком подвиге говорил майор: все было так просто, обычно... Он сдал напарнику паровоз и, шатаясь от усталости, побрел в общежитие. Здесь, не раздеваясь, прилег на узкую койку и впал в забытие. Шесть суток, проведенные в непрерывной работе, утомили 25-летнего парня.

Было темно, когда он проснулся. Болела голова, знобило. За окном выла метель, звенело стекло. Сквозь этот шум до него долетел знакомый певучий сигнал паровоза.

— На четвертый путь выезжает под поезд,—пробормотал он про себя и снова устало закрыл глаза.

Утром машинист Носков, как ни в чем не бывало, снова принимал паровоз, готовясь к очередному рейсу.

Трудовые подвиги комсомольского организатора Носкова скоро стали известны всем железнодорожникам Юго-Восточной дороги. О его огневых рейсах писали в дорожной газете, рассказывали в бригадах агитаторы и пропагандисты. Его боевые дела заставляли других подтяги-

ваться, трудиться самоотверженно. Паровозники часто стали расспрашивать его о поездках. Но он больше рассказывал им о подвигах других машинистов, скромно умалчивая о своих собственных.

Работа паровозной колонны „За Сталинград“ имела огромное значение. Паровозники помогли советским дивизиям прорвать фронт и нанести фашистским мерзавцам сильное поражение. Фронт отодвинулся. Лискинские паровозники возвратились в родное депо и принялись за его восстановление. Среди них был и Иван Носков.

Здесь по его предложению вновь была создана паровозная колонна, которой дали название „За победу“. И в этой колонне паровоз Носкова также был признан одним из лучших.

Бригада продолжала работать напряженно с полным сознанием, что она выполняет долг перед Родиной. Счет фронтовых рейсов машиниста Носкова к этому времени перевалил за 150.

Летом этого года Носков выступил организатором общедорожного соревнования. Он написал письмо лучшему машинисту комсомольского паровоза депо Балашов тов. Зимовийскому, которому предложил начать соревнование за усиление помощи фронту.

Машинист Зимовийский и его напарник Цыганок охотно приняли вызов. Вскоре в это соревнование включились десятки других паровозных бригад, ускоряя движение поездов.

Молодого талантливого машиниста по заслугам оценили руководители паровозной службы и дороги. Они помогли ему осуществить заветную мечту—послали на учебу, чтобы затем выдвинуть на еще более ответственную работу в депо.

Бригада с грустью проводила на учебу своего вожака, воспитывавшего ее не только правдивым большевистским словом, но и делом.

В. ДЕМЕНТЬЕВА

МИТРОША ХАТУНЦЕВ

Широко раскинулось село Верхняя Хава. Глазом не окинешь колхозов, прилегающих к нему.

Если забраться на вышку, то увидишь, как далеко к горизонту убегает шахматной доской поле.

Между холмами, на которых разбросаны хаты, конюшни, мельницы, протекает река. Когда-то полноводная, сейчас она превратилась в большой ручей. Но попрежнему весело раздаются здесь летом голоса ребятишек,— после школы хорошо поплескаться в воде! Попрежнему маленькие рыбаки терпеливо караулят свою добычу, а где-нибудь неподалеку, растянувшись на песке под жгучими лучами солнца, другая группа малышей внимательно слушает вместе с подростками чтение рассказов.

Иногда купанье сменяется увлекательной игрой в городки. Начинается борьба за первенство!

В жаркие дни огромное событие—покататься на единственной в селе лодке, принадлежащей водокачке. Пользоваться ею имеют право только взрослые. А когда она попадает в руки ребят, то нельзя понять, кому больше приходится нырять—ребятам или лодке.

Но в прежние годы, до войны, все эти забавы отступали на второй план, когда в центре села, в колхозе имени Молотова начинались бега.

Самыми страстными болельщиками были ребята. Они уже заранее знали, какие лошади будут принимать участие в бегах, и по нескольку раз забегали в конюшню, спорили о том, какой конь выйдет победителем.

Среди ребят особенно выделялся Митроша Хатунцев. Ни один бега не проходили без его присутствия. Пролезни в первые ряды, он со своим другом Ваней Митиным всегда бывало с затаенным дыханием от начала до конца следил за состязанием своих любимцев. Лошади—это была его страсть.

Прибежит Митроша после уроков домой, бросит книги, наскоро закусит и убегает к отцу—старшему конюху на конюшню.

И никак нельзя было прогнать небольшого, смуглого мальчугана от лошадей. Без него не обходилось ни кормление, ни чистка, ни купанье лошадей.

Внимательными глазами следил он за работой конюхов, засыная бесчисленными вопросами отца.

Гаврилу Яковлевичу нравилось это пристрастие сына к лошадям и он терпеливо и подолгу рассказывал своему маленькому помощнику о правилах ухода за лошадьми и об особенностях лошадиного характера.

Верным другом Митроши был Ваня Митин, тоже любитель лошадей. Вместе бегали на скачки, вместе купались в реке, вместе состязались в горючки.

Весело и беззаботно протекало детство ребят...

Но вот над страной нависла черная туча. Началась война. Ждали, знали, что войны не избежать. Готовились к ней,—и все-таки слова из репродуктора поразили как громом.

Сурово сдвинув брови, слушал 76-летний дед Митрошин Яков Иванович. Опустила мать ухват и прижала руку к груди. Застыла ложка в руке обедавшего отца. Затих даже маленький Алешка, хотя и не понимал, что случилось.

Весть о войне, как ветер, облетела все село.

На митинге не было обычного шума и разговоров. Молча с суровыми лицами слушали колхозники о разбойничьем нападении Германии, знали, что уже сегодня будут провожать своих близких на фронт защищать Родину, счастье и жизнь своих детей. Брали слово, заверяли отдать все силы для борьбы с врагом.

Дыхание войны распространилось и на село. Чаше над ним стали пролетать в боевом порядке самолеты.

Маленькая станция Верхняя Хава стала многолюдной. Пассажирские поезда сменились санитарными и воинскими эшелонами.

В мае 1942 года отец ушел в армию. Тяжело было провожать близкого человека: когда-то придется увидеть вновь...

—Ничего,—говорил отец,—выходит, что надо переменить мне свою специальность. Пойду и я повоюю не хуже других! А ты, Митронька, если доверят лошадей,—береги их. Приеду, спрошу, чтобы ты мне сдал их в порядке.

Слова отца крепко запали в душу Митроши. Да и самому хотелось поработать. Чувствовал,—многому научился от отца, видел, что нужны работники сейчас. Фронт отнимал людей...

Выбрал удобную минуту, когда председатель колхоза одна заглянула в конюшню, и пристал к ней:

—Тетка Пелагея! Доверь мне лошадей за отца. Ей-богу, справлюсь! Вот посмотришь.

Пелагея Ивановна посмотрела на щупленького мальчугана. Уход старшего конюха в армию принес ей много беспокойства. Это был один из лучших работников колхоза, и вот теперь мысли были заняты одним—кому доверить работу?

—Мал больно ты, Митронь, не справишься. Знаешь, как отцу-то приходилось работать. А он ведь 13 лет бесменно был конюхом.

—Да только доверь. Попробуй... Вот только посмотри,—не находя слов для убеждения, повторял Митроша.

Болдырихина задумалась. Но вскоре решила поставить мальчугана конюхом и внимательно последить за его работой.

Радостью наполнилось сердце,хватило дыхание у Митроши, когда он не просто конюхом, а „старшим“ вошел в знакомую до мелочей конюшню. 27 лошадей были вверены 14-летнему мальчугану.

Председатель колхоза не ошиблась в конюхе. Митроша весь отдался работе, ему мало было дня. Забегал домой только для того, чтобы поесть, а иногда приносили

ему на конюшню еду Алешка или мать, идя на работу. И мочевать-то перестал ходить домой.

За всем надо было приглядеть, все надо проверить. Конюхи-женщины полюбили своего „старшего“ и несмотря на молодость, слушались его.

Много пришлось ему поводноваться зимой, когда на лошадей напала чесотка, занесенная из соседнего колхоза.

Что делать? Утром чуть свет однажды прибежал Митроша к ветеринарному фельдшеру.

— Будешь мазать мазью, — сказал ветеринар, — только лошадей надо держать в теплом помещении.

Всю дорогу, пока шел в колхоз, вертелась мысль — куда поставить лошадей.

Пришел к председателю Болдырихиной.

— Тетка Пелагея, отдай мне хату, пустую, что недалеко от конюшни, а то лошади упадут. Ветеринар говорит, теплое помещение обязательно нужно. А к весне мы ее отремонтируем.

Знала Пелагея Ивановна, что вопрос о лошадях самый острый, тоже не спала ночи. Каждое утро, да и днем бывало несколько раз забежит в конюшню справиться о лошадях.

Задумалась.

— Неужели не даст, пожалеет хату? — с трепетом в сердце думал Митроша.

— Тетка Пелагея, дай! Все лошади будут целы. Вот увидишь.

Улыбнулась Болдырихина, любила этого вихрастого мальчугана за сметливость и за хорошую работу. Спокойна была за все, что ему поручала.

— Ладно, Митронь, забирай хату, только приложи все старание, чтобы лошадей вылечить и чтоб наш колхоз остался первым. Дело-то идет к весне, а тут эта напасть.

Колхоз „Трудовик“ был лучшим колхозом района, всегда шел впереди по выполнению всех заданий, — и Митроша знал, что теперь от него будет зависеть, останется ли колхоз в первых рядах. Сохранит лошадей — колхоз будет обеспечен тягловой силой, не сохранит — сорвет посевную и все работы.

С озабоченным лицом прибежал домой, притащил дегтя, серы, купороса, взял материн большой чугунок и при-

нялся стряпать лекарство. Когда-то помогал отцу, а сейчас очень пригодилось.

Мать только руками развела, увидев свой чугунок.

— Ладно, мамань, не до чугуна сейчас. А то отцу нанишу, как ты своим чугуном давишь мою инициативу. Скажу, ты виновата, если упадут лошади.

Сварил, перелил в ведро и умчался на конюшню. Больше мать его в тот день и не видела.

Приспособил хату, поставил туда 10 лошадей, а их стойла дал распоряжение продезинфицировать. Со своим другом Ваняткой, волнуясь, ждали результатов.

— Убью я чесотку или нет?.. С отцом бы посоветоваться, — говорил Митроша.

А отец в это время лежал в госпитале в Пензенской области.

И в армии, и в госпитале Гаврил Яковлевич с напряженным вниманием следил за жизнью колхоза, за работой Митроши.

С гордой улыбкой перечитывал он соседям по палате письмо председателя колхоза Пелагеи Ивановны, в котором та благодарила его за сына, сумевшего сохранить лошадей, вылечить их от чесотки.

В феврале 1943 года отец возвратился в деревню в отпуск и занял свое прежнее место.

Правление колхоза решило назначить Митрошу звеньевым. В это время он уже готовился стать комсомольцем.

— Родина переживает сейчас тяжелые дни. Работай еще лучше, не жалея сил. Этим ты отметишь свое вступление в ряды ленинского комсомола, — сказал ему в беседе представитель райкома комсомола.

Митроша решил не отставать от бойцов-фронтовиков и не хотел краснеть за свою работу.

Он сумел зажечь своим энтузиазмом членов своего звена, развернул борьбу за первенство.

Скоро звено Хатунцева стало лучшим звеном в колхозе: оно давало по 1,85—2 гектара весновспашки вместо 0,70 по норме. Отличилось это звено и на севе: 10 га высевали на сеялку вместо 4,5.

Сам Митроша и здесь был впереди — по 2,40—2,50 гектара засеивал он вместо 1,50.

Долго смеялись колхозники, когда узнали проделку Митроши с его другом фронтовиком Подовым.

Замерив одинаковый загон, они договорились вместе сеять и вместе отдыхать. Но под строгим секретом Митроша уговорил бригадира замерить себе на 1,50 га больше.

Каково же было возмущение Попова, когда он увидел, что Митроша его одурачил, обогнав на 1,50 га!

За хорошую работу на севе колхоз отметил членов звена благодарностью, а Митроша получил библиотечку и 500 рублей деньгами.

На районном слете стахановцев передовников сельского хозяйства ему вручили почетную грамоту. В ней было написано:

„Выдана тов. Хатунцеву Митрофану Гавриловичу, конюху колхоза „Трудовик“ 2-го Хавского сельсовета В-Хавского района Воронежской области, за достижения в сельском хозяйстве 1943 года, за перевыполнение норм выработки на весновспашке“.

Дома грамота долго переходила из рук в руки. Дед Яков Иванович рассматривал ее и говорил:

—Молодец, Митронька! Только ты не очень задавайся. Мы—старики, а не очень от вас отстали.

Несмотря на то, что года уже сильно давали себя чувствовать, Яков Иванович хорошо работал в колхозе. Его бригада, состоявшая из таких же стариков, вызвала на соревнование молодежь и только за август вручную засеяла 55 га озимой ржи.

В редкие вечера, когда Митроша забегал домой, между дедом и внуком происходил спор. Больше всего Митроша допирал деда зелеными. Озимые, посеянные звеном Митроши, были лучше, но он умышленно забывал сказать о том, что сеял-то он намного раньше.

Летом 1943 года отец опять ушел в армию и снова Митрошу назначили старшим конюхом колхозной конюшни.

Эти годы наложили на Митрошу заметный отпечаток. Он подрос, загорел, голос стал тверже, увереннее. Уже без мысли „а вдруг не сумею“ берется он за любую работу. У него не получишь лошадь, если не смазан ход! Колхозники уже заранее готовят все, зная, что Митроша своим зорким глазом заметит неисправность и как ни прося, как ни ссорясь, не даст лошади.

Теперь объем его работы увеличился—вернулся эвакуированный скот, и Митроша принял обязанности животновода колхоза.

Пелагея Ивановна, рассказывая о колхозном животноводстве, не может удержаться от похвалы. Гордится им и районная комсомольская организация.

Недавно Митрофан Хатунцев получил за свою работу почетную грамоту Обкома партии и Облисполкома.

Это еще больше воодушевило его.

—Своей работой,—говорит он,—я буду мстить проклятому немцу за раны моего отца, за все то зло, которое причинили немцы моей Родине, моему народу.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЧИТОК

1. ГЕРОИЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Документы „Молодой гвардии“. Газета „Комсомольская правда“ от 14 сентября 1943 года.

Карташев А. Величие духа. Газета „Комсомольская правда“ от 12 сентября 1943 года г.

Космодемьянская Л. Моя Зоя. Издательство „Молодая гвардия“. 1942. 32 стр.

Нейман Ю. Боевая дружба. Издательство „Молодая гвардия“ 1942. 32 стр.

Павленко П. Путь отваги. Стр. 3—18. В кн. П. Павленко „Путь отваги“. Издательство „Советский писатель“. 1943. 117 стр.

Панферов Ф. Комиссар Левченко. Стр. 21—29. В кн. Ф. Панферова „Своими глазами“. Гослитиздат. 1942.

Соболев Л. В старом рavelии. Стр. 366—368. В кн. Л. Соболева „Морская душа“. Гослитиздат. 1942. 415.

Слово матери героя. Газета „Комсомольская правда“ от 15 сентября 1943 года.

Соловьев Л. Черноморец. Издательство „Советский писатель“. 1942. 152 стр.

Кононенко Е. Девушки-геронии. Издательство „Молодая гвардия“. 1942. 31 стр.

2. МОЛОДЕЖЬ ТЫЛА—ФРОНТУ

Караваева А. Бригада смелых. Стр. 9—24. Профиздат. 1942. 24 стр.

Иванов В. Наша норма—работать за двоих. Стр. 152—158. В кн. „Комсомол в боях за родину“. Издательство „Молодая гвардия“. 1942. 371 стр.

3. ДРУЖБА НАРОДОВ СССР

Василевская В. Братство народов. Стр. 5—9. В сборнике „На полях великой битвы“. Издательство „Советский писатель“. 1942. 52 стр.

Кербабаяев Б. Сын туркменского народа. Стр. 9—106. В кн. „Комсомол в боях за родину“. Издательство „Молодая гвардия“. 1942. 371 стр.

Нейман Ю. Арнольд Мерн. Издательство „Молодая гвардия“. 1942. 26 стр.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Н. Вороновский. Молодежь Воронежской области в дни Отечественной войны	3
С. Родионов. Три атаки	11
В. Кабаров. Гвардии сержант Егор Паширатов	14
Так умирают герои (Письмо фронтовиков)	25
М. Морев. Миныры	28
М. Сергеевко. Боевой товарищ	34
А. Николаева. В тылу врага	41
А. Тихов. Под вражеским огнем	48
В. Деметрьюва. Митроха Хатуицек	56

Редактор Т. Себастьянова

Подписано к печати 17/X-1943 г.
 ЛЕ18542 Печ. л. 4. Зл. к печ.
 лист. 40000. Авт. лист. 4.
 Тираж 7100 экз.
 Воронеж, тип. УИ и П. Зак. № 1019